
ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ

УДК 902.6/929

ПРОБЛЕМЫ БРОНЗОВОГО И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ В ТРУДАХ И ПЕРЕПИСКЕ А.М. ТАЛЬГРЕНА И Г. МЕРГАРТА

© 2017 С.В. Кузьминых, Е.В. Детлова

В трудах и переписке А.М. Тальгрена и Г. Мергарта намечены основные вехи происхождения, распространения и взаимодействия культур бронзового и раннего железного веков Северной Евразии, также указаны направления дальнейших поисков, причем не узколокальные, а в широком евразийском контексте. Финский и австрийский ученые обращались к проблемам, к той же сейминской, ананьинской или происхождения кельтов красноярско-ангарских типов, которые и в современной науке остаются наиболее дискуссионными и далекими от своего окончательного разрешения. Их переписка и диалог не менее ценны и тем, что подкупают нас научной смелостью, остротой мысли, полемическим задором, которых лишены строгие академические труды.

Ключевые слова: А.М. Тальгрэн, Г. Мергарт, Северная Евразия, археология Сибири, Сейма, фатьяновская культура, Галичский клад, Младший Волосовский могильник, ананьинская культура, Томский могильник, кельты бронзового и раннего железного веков

Переписка выдающихся европейских археологов Арне Микаэля Тальгрена и Геро фон Мергарта, продолжавшаяся больше двух десятилетий (1921–1944 гг.) и насчитывающая более 80 корреспонденций, безусловно, важна для истории российской археологии первых десятилетий XX века – и прежде всего потому, что значительное место в ней занимает обсуждение дискуссионных проблем эпох бронзы и раннего железа Северной Евразии. Полемика, развернувшаяся в переписке, гораздо шире и полнее раскрывает научные взгляды ученых, нежели их опубликованные работы.

Эта тема отчасти раскрыта в трудах российских и финских исследователей (Кузьминых, Детлова, 2010; Кузьминых и др., 2014; Kuzminykh, Detlova, 2010; Salminen, 2010; 2014; Детлова и др., 2014). В них проанализированы основные направления дискуссии, которую вели в 1920–30-е годы Тальгрэн и Мергарт. Задача данной статьи – показать, как шла полемика вокруг проблем евразийской археологии II–I тыс. до н.э., так интересовавших обоих ученых, в чем сходились и расходились их взгляды, какую роль в этом диспуте играли концепции российских археологов и какое отражение дискуссия нашла в трудах героев нашего очерка.

I. А.М. ТАЛЬГРЕН И Г. МЕРГАРТ – НА ПУТИ К ЗНАКОМСТВУ.

Начало заочного знакомства А.М. Тальгрена и Г. Мергарта относится к 1921 году. К этому времени Тальгрэн, почти ровесник Мергарта, уже был известным в Европе знатком евразийских древностей и авторитетным специалистом в области бронзового и раннего железного веков. (Рис. 1) Интерес к русской археологии проявился у него еще в годы учебы в Александровском университете в Гельсингфорсе (1903–1905) и нашел поддержку у корифеев европейской археологии О. Монтелиуса и О. Альмгрена, когда позднее он слушал их лекции в университетах Стокгольма и Уппсалы. В эти годы определилось и базовое направление его научных исследований – бронзовый век. Этому способствовало общение с известным финским историком и археологом Й.Р. Аспелиным (Kivikoski, 1954, p. 88). Тальгрэн планировал продолжить археологические разыскания в России, начатые его учителем в 1870-е годы, тем более что к началу XX века традиция научных экспедиций и путешествий на восток, заложенная Аспелиным, в Финляндии практически угазла.

Тальгрэн знал о российской археологии не понаслышке. Он неоднократно бывал

в России. Первые два путешествия (в 1908 и 1909 гг.) позволили собрать материал для диссертационного исследования о бронзовом веке центра, севера и северо-востока Европейской России (Tallgren, 1911; 1919). Они же дали возможность познакомиться и оценить высокую научную значимость богатейшего частного собрания казанского купца, собирателя и мецената В.И. Заусайлова¹. Михаил Маркович (так величали его в России) рекомендовал приобрести ее для Исторического (ныне Национального) музея Финляндии. Для его диссертационного исследования приобретение этой коллекции имело ключевое значение. В руках ученого оказался богатейший фактический материал – мечта любого начинающего археолога². Фортуна, безусловно, благоволила исследователю, и он использовал этот шанс в трудах о бронзовом веке центральных и северо-восточных областей Европейской России (Tallgren, 1911; 1916).

Поездка 1915 г. на юг Енисейской губернии, помимо желания поработать в музеях Урала и Сибири и осуществить раскопки в минусинских степях, ставила своей целью дать ответы на вопросы: что являл из себя урало-алтайский бронзовый век, характерна ли для него единая археологическая культура и в чем была его специфика? Финскому ученому предстояло прояснить и разрешить все сомнения, касавшиеся гипотезы Аспелина об урало-алтайском бронзовом веке. Другой целью Тальгрена являлось личное знакомство в Минусинске с богатейшей коллекцией древностей торговца и владельца «мастерской инородческих серебряных изделий»³ И.П. Товостина, которая собиралась им с конца 1870-х годов. Иван Петрович в начале 1915 г. предложил купить свое собрание (1056 предметов) Историческому музею Гельсингфорса, и Аспелин как государственный археолог Финляндии поручил своему ученику оценить научную значимость этой частной

коллекции. Тальгрэн подробно описал ее, дал положительное заключение в Археологическую комиссию Исторического музея о необходимости приобретения данного собрания и даже познакомил с ним финскую общественность (Tallgren, 1915). Несмотря на сложности военного времени, сделка о покупке состоялась, и в конце 1916 г. все предметы были доставлены в Петроград, а затем в Гельсингфорс⁴. На другой год Михаил Маркович оперативно опубликовал материалы этой уникальной коллекции, включив в книгу и результаты собственных раскопок кургана тагарской культуры под Абаканом (Tallgren, 1917, p. 14–17).

Поездка в Сибирь в 1915 г. и изучение археологических материалов в музеях Минусинска, Красноярска, Томска, Барнаула, Омска и Екатеринбурга⁵ подтвердила более ранние выводы финского исследователя: единого урало-алтайского бронзового века не существовало, не могло быть и речи о том, что появление предков пермских народов, поволжских и прибалтийских финнов в исторических местах их проживания связано с миграцией в бронзовом веке из Сибири. Тальгрэн показал, что ключевое звено гипотезы Аспелина – Ананьинский могильник – был связан более прочными нитями не с Алтаем, а с Кавказом и Северным Причерноморьем.

При поездках в Россию Тальгрэн досконально изучил археологические коллекции в столичных и региональных музеях, а также провел раскопки памятников и сборы материалов разных эпох в Казанской, Вятской, Костромской, Архангельской, Пермской и Енисейской губерниях⁶. Осенью 1911 г. он защитил диссертацию и опубликовал в том же году ее первую часть (Tallgren, 1911). Отказ от гипотезы И.Р. Аспелина о едином урало-алтайском бронзовом веке был, безусловно, шагом вперед в осмыслении евразийских древностей эпохи раннего металла. Сходство материальной культуры Волго-Уралья и Саяно-Алтая виделось Тальгрэну в общих скифских корнях

¹ Коллекция насчитывала 10935 предметов самых разных эпох и была собрана в основном в б. Казанской губернии; см. подробнее о самой коллекции, ее покупке и личности В.И. Заусайлова: (Кузьминых, 2012а; Кузьминых и др., 2014, с. 31; Руденко, 2014, с. 338, 349).

² По подсчетам А.М. Тальгрена и А.О. Хейкеля количество предметов, относящихся к бронзовому веку Волго-Камья, в коллекции В.И. Заусайлова к 1907 г. равнялось числу таких же предметов во всех остальных российских музеях (Катанов, 1920, с. 39, 40).

³ Так указано на штампе почтовых отправок И.П. Товостина 1905 и 1908 гг., адресованных Й.Р. Аспелину (Архив АО-МВ).

⁴ См. подробнее о покупке коллекции И.П. Товостина: (Кузьминых, Вдовин, 2007; Кузьминых и др., 2016а).

⁵ См. подробнее об этой поездке: (Salminen, 2003, p. 133–137, 142–145; Вдовин, Кузьминых, 2006; Салминен, 2007; Кузьминых, Вдовин, 2007; Кузьминых, Тишкина, 2009; Вдовин и др., 2010; Кузьминых, 2014; Кузьминых и др., 2014, с. 29, 31).

⁶ См. подробнее: (Кузьминых и др., 2007, с. 99, 111; Кузьминых и др., 2014, с. 29, 31; Кузьминых и др., 2016б).

древних культур этих географически удаленных регионов и, соответственно, послужило основанием для объединения их в рамках урало-алтайской общности (Ibid, S. 94, 95).

Через пять лет вышел первый том каталога коллекции Заусайлова (Tallgren, 1916), в котором систематизировались материалы бронзового века Волго-Камья. В этой книге, опираясь на широкую систему аналогий с культурами юга России, Восточного Средиземноморья и Скандинавии, Тальгрэн датировал ранний период 2500–1500 гг. до н.э., средний 1500–1000 гг. до н.э., а поздний (ананьинский) 1000–500 гг. до н.э. (Ibid, p. 12–14). Хронология ананьинского периода была основана не только на аналогиях со скифскими древностями, но и на датировке меларских кельтов (выявленных наряду с ананьинскими в комплексах Младшего Волосовского могильника) IV периодом скандинавского бронзового века, по О. Монтелиусу (Montelius, 1912). В вышедшей спустя три года второй части диссертационного исследования (Tallgren, 1919) Михаил Маркович скорректировал хронологию ананьинских древностей. Младшее Волосово было выведено из цепочки взаимосвязей с Ананьинским и другими камскими могильниками этого круга. И теперь, уже базируясь на отсутствии меларских кельтов на этих памятниках, начало ананьинской культуры финский ученый отнес к 600 г. до н.э. (Ibid, p. 180, 182).

В монографиях 1911, 1916 и 1917 гг., давая общую характеристику евразийскому бронзовому веку, Тальгрэн идет значительно дальше своих европейских предшественников. Он противопоставил его европейскому бронзовому веку и разделил на две большие, не зависящие друг от друга культурные провинции: восточноевропейско-уральскую и минусинско-алтайскую. Вместе с В.А. Городцовым (1910; 1915), но с иных концептуальных позиций, опираясь на сравнительно-типологический и географо-хронологический методы, Михаил Маркович дал первые общие характеристики бронзового века центра, севера и северо-востока Европейской России и Южной Сибири, наметил его территориальные границы и выделил внутри него три хронологических периода.

В книге «Ананьинская эпоха в Восточной России» (Tallgren, 1919) финский археолог с исчерпывающей для того времени полнотой обосновал выделение и этапы развития ананьинской культуры, дал характеристику предметного мира, поселений и могильников,

наметил ареал, реконструировал направления культурных и торговых связей. В самом названии монографии «L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale» звучит отказ от ранее предложенного им термина «скифо-ананьинская культура» (Чижевский, 2013, с. 86). Сравнительно-типологический анализ материальной культуры скифской и ананьинской культур привел его к выводу о местных, еще неолитических корнях ананьинской культуры и ее самостоятельном развитии, равно как и скифской (Tallgren, 1919, p. 104–107). При этом Тальгрэн наметил вторую линию генетических связей ананьина – с кобанской культурой Центрального Кавказа (Ibid, p. 164–167). И напротив, аналоги ряду категорий ананьинского оружия и украшений в алтайских и минусинских древностях он рассматривал в системе торговых связей (Ibid, p. 170).

Исторические судьбы ананьинской культуры Тальгрэн – в отличие от гипотезы Аспелина о распространении «финской культуры» на запад – видел в ее постепенной трансформации в пьяноборскую культуру под влиянием импульсов, исходящих из провинциальных центров римской цивилизации (Ibid, p. 182–184). Анализ письменных источников и изучение ананьинского звериного стиля привели его к заключению о справедливости гипотезы, отождествляющей население ананьинской культуры с исторически известными будинами и фиссагетами (Ibid, p. 179, 180).

Точкой соприкосновения интересов и началом отношений Тальгрэна и Мергарта послужила, в первую очередь, сибирская археология. Австрийский ученый, будучи всего на год младше своего финского коллеги, в русскую археологию пришел довольно поздно, в 30 лет. Его единственная «поездка» в Сибирь затянулась на семь лет, и, в отличие от экспедиции Тальгрэна в Минусинскую котловину, Мергарт совершил ее не по своей воле. За эти годы (1914–1921) он прошел долгий путь от военнопленного офицера австро-венгерской армии до заведующего отделом археологии красноярского Музея Приенисейского края (Детлова, 2006; 2011; Кузьминых, Детлова, 2010; Parzinger, 2010). (Рис. 2, 3)

В отличие от Тальгрэна, изучавшего сибирские древности в российских и европейских музеях еще до поездки 1915 г., для Мергарта они изначально являлись terra incognita. Геолог по образованию, выпускник Мюнхенского университета, обладающий некоторыми познаниями в европейской архе-

ологии – о сибирской он располагал в лучшем случае обрывочными сведениями о «чудских шурфах» Минусинской котловины и находках на Афонтовой горе. Однако разведки в окрестностях Канска и Красноярска, экспедиционные маршруты по Енисею и глубокое погружение в музейный материал⁷ сформировали представление Мергарта о богатстве и слабой изученности археологических древностей Приенисейского края и на десятилетие вперед определили направление его поисков и исследований. Однако в отношении специальной литературы Сибирь всегда находилась на голодном пайке, и немногочисленные отчеты, рефераты и статьи его русских предшественников – это всё, чем пришлось довольствоваться австрийскому ученому при первоначальном погружении в сибирскую археологию.

Тальгрэн на долгие годы стал для него основным источником сведений по российской археологии. Заочное знакомство ученых началось в 1921 г., с письма Мергарта (4.05.1921⁸) финскому археологу. Оно скорее личного характера, без обсуждения фактического материала – Геро Вальтерович (как обращались к нему сотрудники Музея Приенисейского края и Тальгрэн) представляется и пытается установить контакт со своим более опытным коллегой, подчеркивает огромное уважение к личности финского ученого, пишет о дальнейших планах, в том числе о желании посетить Гельсингфорс.

Мергарт еще раньше знал о трудах и работе в Сибири своего финского коллеги и сожалел, что судьба не свела их в 1915 году, когда австрийский военнопленный – при благоприятном стечении обстоятельств – мог бы быть участником раскопок Тальгрэна в абаканской степи. В его глазах Михаил Маркович уже в то время был признанным корифеем в евразийской археологии. К этому времени были изданы обе части диссертационного труда,

⁷ Наиболее крупным собранием в фондах Красноярского музея была в то время коллекция фабриканта В.А. Данилова, насчитывающая 1024 предмета различных эпох и охватывающая практически всю территорию Енисейской губернии; см. подробнее: (Вдовин, Кузьминых, 2011).

⁸ Здесь и далее при ссылках на письма Г. Мергарта А.М. Тальгрэну речь идет об эпистолярном архиве финского ученого в Рукописном отделе Национальной библиотеки Финляндии (PAT. Coll. 230.7), а при ссылках на письма А.М. Тальгрэна Г. Мергарту – об архиве Марбургского университета Филиппа (АМУ. Архив Г. Мергарта).

каталоги коллекций Заусайлова и Товостина (Tallgren, 1911; 1916; 1917; 1919). Книгу об ананьинской культуре современники считали лучшим исследованием финского археолога (Kivikoski, 1954, p. 96); высоко ценил ее и Мергарт⁹. Неудивительно поэтому стремление австрийского ученого познакомиться и получить консультацию у «бога русской археологии» – обращаясь так в письмах к Тальгрэну, он был совершенно искренен, испытывая большое уважение к познаниям и компетентности своего старшего собрата по цеху.

II. СИБИРСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В ТРУДАХ Г. МЕРГАРТА. ОБСУЖДЕНИЕ ДИСКУССИОННЫХ ПРОБЛЕМ В ПЕРЕПИСКЕ.

Изначально круг интересов Мергарта не ограничивался бронзовым и ранним железным веками (БВ–РЖВ), а включал в себя все археологические эпохи. Первые его «сибирские» работы посвящены палеолиту (Merhart, 1923; 1924b), который более органично смыкался с ранней университетской специализацией. Большое внимание эпохам бронзы и раннего железа австрийский археолог стал уделять позже, в 1923–1926 гг. Однако уже в одной из первых красноярских работ (Мергарт, 1923) он вкратце сформулировал ключевые положения своей теории о распространении культур на территории Приенисейского края. Во многих вопросах Мергарт следует за своим финским коллегой, который в своем диссертационном труде «Медный и бронзовый век в Северной и Восточной России» (Tallgren, 1911) отказался от гипотезы Аспелина о существовании единой урало-алтайской культуры бронзового века в Сибири. В одном из писем Тальгрэну (20.12.1922) Геро Вальтерович справедливо замечает: «*Сибирь у Вас благополучно отделена от Урала, нам нужно разделить это дальше*», что и было им сделано в дальнейших работах.

Археологические культуры БВ–РЖВ в Приенисейском крае развивались, согласно взглядам Мергарта, в системах двух культурно-исторических провинций: северной и

⁹ В одном из писем в Красноярский музей летом 1921 г. Мергарт среди прочих тем и новостей упоминает также, что Тальгрэн издал «работу об Ананьино» (АКККМ. Ф. 1615. Оп. 1. Д. 372. Л. 40 об.). То, что именно этот факт он упоминает в не слишком пространном послании, говорит о том, насколько для него это было важно и какое значение он придает этой книге.

южной, для каждой из которых были характерны свои оригинальные типы бронзовых орудий и оружия. Южная (минусинская) культура, по его мнению, не имела местных корней. В поисках ее возможной исходной области австрийский археолог, вслед за Тальгреном и рядом западных ученых, обратил внимание на Согдиану, Бактрию и Иран. Однако истоки в указанных областях намечались им по весьма косвенным признакам¹⁰.

Очаг формирования этой южной культуры – Минусинская котловина. В своем распространении в лесостепные районы края она достигла средних частей Красноярского, Ачинского и Канского уездов, но не проникла дальше на север. На это указывает, по Мергарту, ареал кельтов с геометрическим орнаментом¹¹ и некоторых типов ножей. Спорадически появляющиеся на севере бронзовые изделия характерных минусинских форм¹² рассматривались им как импорты, но какие-то их элементы на севере заимствовались. Минусинская культура доживала, по его мнению, до железного века, и носители традиций БВ–РЖВ длительное время вынужденно сосуществовали на Енисее с вторгшимися с юга завоевателями – носителями культуры железного века (ЖВ)¹³. Свидетельством тому, по Мергарту, являлось залегание находок БВ–РЖВ и ЖВ в стратиграфически не расчлененных культурных слоях.

Типы бронзовых изделий северной провинции Мергарт связывал с местной металлообработкой, основные центры которой находились в Красноярском уезде. На востоке ареал этой провинции простирался до Иркутска и Якутии. В хронологическом отно-

¹⁰ Данные регионы традиционно рассматривались в историографии в качестве одного из важнейших направлений культурных влияний на северные и восточные территории, и Мергарт скорее всего по этой причине склонялся в пользу истоков минусинских культур именно отсюда. Он не рассматривал юго-восточный и южный вектор связей (Корея, Маньчжурия, Ордос, Великая Китайская равнина и др.) как исходный для минусинских культур БВ–РЖВ. Эта идея станет активно обсуждаться только во второй половине XX и в начале XXI века, прежде всего в работах Н.Л. Членовой (1967; 1972; 2000), П.И. Шульги (2010) и др.

¹¹ В дальнейшем они получают наименование «красноярско-ангарские» (Максименков, 1960).

¹² Под минусинскими формами подразумеваются орудия и оружие карасукских и тагарских типов.

¹³ По современной периодизации минусинских культур носителей культуры ЖВ Мергарта следует отождествлять с таштыкской культурой.

шении она «параллельна курганному бронзовому веку до коллективных захоронений, который доживает до коллективной эпохи» (Мергарт – Тальгреноу, 3.11.1923)¹⁴. Типы бронзовых орудий северной провинции, по мнению австрийского ученого, каким-то образом связаны с Европейской Россией.

Мнение относительно существования самостоятельных провинций бронзового века в Енисейской губернии Мергарт высказывал еще в музейном отчете 1921 г. (Мергарт, 1923) и повторил в последующих письмах и трудах (Merhart, 1926). Это суждение было справедливым, вытекавшим из проработки публикаций и музейных коллекций. Минусинские карасукские, лугавские и тагарские древности ПБ–РЖВ, которыми в 1920-е годы Геро Вальтерович оперировал, составляли иной вещевой мир, нежели бронзы северной енисейской лесостепи и южной кромки тайги. Однако при этом он неоднократно подчеркивал запаздывание наступления бронзового века в Сибири и значительную протяженность во времени и в пространстве сибирских культур (так, неолит «доживал» у него до железного века). Это мнение, основанное, прежде всего, на сборах и редких памятниках таежной зоны между Енисеем и Байкалом, с отсутствием здесь четких комплексов бронзового века с развитыми формами, ныне следует признать ошибочным.

Как в работах сибирского цикла (Мергарт, 1923; Merhart, 1926), так и в письмах, Мергарт обращал особое внимание на ряд явлений, не вписывающихся в общую культурно-хронологическую схему. К таковым он, например, причислял андроновскую культуру¹⁵, предвидя ее особую роль в истории бронзового века азиатской степи и лесостепи. Ее изучению австрийский ученый справедливо придавал большое значение, считая, что «это одна из важнейших статей для европейско-

¹⁴ Курганный бронзовый век в современном понимании – это ранняя и развитая тагарская культуры, коллективные захоронения – это то, что теперь называют тесинским этапом или культурой. Мергарт справедливо синхронизировал свою северную провинцию с «курганном БВ» – РЖВ в современном понимании.

¹⁵ В письме-воспоминании японскому коллеге Бунэю Цуноде Г. Мергарт упоминает о том, что тот факт, что «андоновская культура была чем-то ранним и особенным для Сибири», он подметил первым, так как реставрировал керамику Андроновского могильника, раскопанного в 1914 г. тогдашним директором Красноярского музея А.Я. Тугариновым (Merhart, 1958, S. 227).

сибирского культурного движения, еще более полного и богатого, чем сейминские кельты» (31.12.1924). В одном из писем Тальгрёну (7.05.1926) он обратил внимание на сходные типы ножей в андроновских могильниках и в Сейме, что послужило для него основанием хронологически (но не культурно) сблизить эти древности: «Идею с заимствованием орнамента для Сеймы из андроновской керамики мы все еще не заменили <...>. Она очень¹⁶ заманчива. Ведь андроновская проблема уже давно вползла в меня. Но сейчас у Вас есть интересы в Андронове, я берусь послать Вам также что-то из моей папки и могу оттуда выудить: Андронов, Батени, Новоселово, наряду с оригиналами (и не списанными) лоскутьев бумаги из красноярского гербария с текстом... Это (мне кажется) ведь также там так ясно, что сибирские (материалы – авт.) позднее, совершеннее, чем восточнорусские, и также мне кажется, что они не скрещиваются с гребенчатой керамикой <...>».

Аналоги андроновской керамике Енисея, по мнению Мергарта, можно найти в Оренбургской и Пермской губерниях, на Ишиме и под Семипалатинском, а побочную ветвь этой культуры – в приазовской степи и лесостепи (Merhart, 1926, S. 26). Ученый обратил внимание на керамику с геометрическим орнаментом (меандры) в погребениях в «срубках» в Бахмутском и Изюмском уездах, раскопанных В.А. Городцовым (1905; 1907). Наблюдение Мергарта о близости мотивов орнамента на керамике андроновской и срубной культур представляется важным и в свете современных исследований керамики андроновского мира (см. обзор темы: Ковтун, 2016). Проблема андроновской культуры продолжала интересовать австрийского ученого и после отъезда из России (Детлова, Кузьминых, 2014). Однако из-за дефицита фактических данных он не смог продолжить исследования в данном направлении.

Из других явлений, которые не вписывались в его общую культурно-хронологическую схему древностей Енисейского края, но обсуждались в переписке с Тальгрёном, фигурирует знаменитый Ишимский клад (Ермолаев, 1914). В то время Мергарт из-за отсутствия более полных сопоставительных данных не смог определить его культурную принадлежность, однако еще до выделения И.М. Мягковым (1929) кулайской культуры обратил внимание на уникальность и «инте-

ресный состав находки» из таежного Причудья. (Рис. 4) Не менее своеобразным этот комплекс, подлинно научное значение которого открылось только после появления большой серии кулайских кладов в таежном Приобье¹⁷, представлялся и Тальгрёну, который просил австрийского коллегу написать (14.06.1927) статью об Ишимском кладе для журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua»: «Ведь эта находка – сокровище, с интересными культурными типами, вырождающимися формами и тому подобным. Я уверен, что Вы единственный подходящий человек, который мог бы подлинно научно охватить материал». Предложение Мергарта отклонил, тем более что в 1928 г. редактор ESA наладил прямой диалог с И.М. Мягковым – первооткрывателем кулайских древностей¹⁸.

Всерьез к обсуждению проблем БВ–РЖВ Мергарт и Тальгрён подошли в 1922 году. Сибирские древности продолжали оставаться доминирующим направлением исследований австрийского археолога. Наиболее важной темой в его письмах этих лет по-прежнему является вопрос о происхождении не-минусинского – северного – бронзового века. Кроме того, он снова и снова пытается заполучить книгу об ананьинской культуре (Tallgren, 1919), а также каталоги заусайловской и товостинской коллекций (Tallgren, 1916; 1917). Они нужны ему, в первую очередь, для определения истоков и генетических связей енисейских культур. По мере понимания того, что изолировано, в отдельно взятой области проследить данные процессы невозможно, что необходимо охватить и проработать обширный территориально и содержательно материал, Мергарт все глубже погружается в проблематику БВ–РЖВ Восточной Европы.

В письмах он буквально забрасывает Тальгрёна вопросами о находках из различных памятников (упоминая клады из Ямполья, Подуховной Калиновки и др.), постоянно обращается за информацией о древностях из фондов российских музеев (22.04., 26.10., 20.12.1922; 26.03., 5.04., 31.10.1923; 13.08., 19.10., 31.12.1924). Практически в каждом письме следуют просьбы о содействии в получении тех или иных изданий, о консультациях

¹⁷ Первый из них, давший название археологической культуре, был открыт на горе Кулайка и описан впервые И.М. Мягковым (1927).

¹⁸ А.М. Тальгрён написал письмо И.М. Мягкову (12.09.1928), когда познакомился в библиотеке ГАИМК со статьями томского исследователя о кладе на горе Кулайка; см.: (Мягков, 1927).

¹⁶ Здесь и далее подчеркивания принадлежат авторам переписки.

по интересовавшим его вопросам. Австрийский ученый отчетливо понимал, что для создания целостной картины бронзового века на Енисее ему нужны полноценные данные из самых разных источников. Не случайно он постоянно ссылается на отчеты и труды А.В. Адрианова, Ф. Мартина, П.С. Уваровой, Н.И. Булычева, активно привлекает сведения из иностранной литературы (упоминает работы С. Линдквиста, Г. Экхольма). Когда на рубеже 1920–30-х гг. все связи Мергарта с Россией и русскими коллегами оборвались, его финский друг и корреспондент оставался для него, по сути, единственным источником всей информации о российской археологии.

По возвращении в 1921 г. в Австрию Геро Мергарт активно продолжил работу в русле сибирской археологии, опубликовал ряд статей в европейских и американских изданиях (Merhart, 1923; 1924b), том числе (не без участия Тальгрена) в Хельсинки (Merhart, 1923; 1924a). Но основные его усилия были направлены на подготовку рукописи монографии «Бронзовый век на Енисее», которая была завершена к 1924 г. Через два года это «первое в сибирской археологии крупное исследование, целиком посвященное бронзе среднего Енисея» (Белокобыльский, 1986, с. 130), было опубликовано (Merhart, 1926). (Рис. 5)

Геро Вальтерович, размышляя над проблемами енисейских древностей II–I тыс. до н.э., естественно, стремился вписать их в контекст евразийских материалов того времени и, конечно, не мог оставить без внимания основные труды финского исследователя. В итоге в их переписке в 1920-е годы шла активная полемика вокруг спорных, с точки зрения Мергарта, вопросов археологии Западной Сибири, Алтая, Казахстана, Урала, Восточной и Средней Европы, так или иначе связанных с проблематикой диссертационного исследования австрийского ученого.

Книга «Бронзовый век на Енисее», безусловно, главный труд Мергарта 1920-х годов. Она принесла автору мировую известность и на долгие годы стала настольной для большинства западных, японских, китайских и советских археологов 1920–30-х годов, интересовавшихся древностями бронзового и раннего железного веков срединных районов Азии. Книгу положительно восприняли его коллеги в России А.В. Шмидт, С.А. Теплоухов, М.П. Грязнов и др.¹⁹ Столь же высоко

оценил ее, причем публично (рецензия в ESA), А.М. Тальгрэн (Tallgren, 1927), а в письме австрийскому ученому, он охарактеризовал этот труд как «пластичное, всестороннее изложение сибирской бронзы», а его автора как «скрупулезного, добросовестного, очень эрудированного исследователя» (3.07.1926).

В рецензии Тальгрэн познакомил читателей не только с содержанием книги, ее структурой, но и высказал свое мнение относительно многих затронутых в ней тем. Так, он подчеркнул важность представления об отличии культуры бронзового века енисейского севера (красноярско-канская лесостепь и южная кромка тайги) и юга (степи Минусинской котловины), обратил внимание на сравнительный анализ восточноевропейских и сибирских форм различных категорий орудий, оружия и украшений. Михаил Маркович не во всем согласился с австрийским коллегой: с сомнением отнесся к датировке двушковых минусинских кельтов, считая их, в отличие от Мергарта, более ранними; отверг идею о заимствовании геометрического орнамента сейминских кельтов от прототипов в культурах Балкано-Карпатского региона; проблему происхождения скифо-сибирского звериного стиля в свете имеющихся данных Тальгрэн посчитал наиболее сложной, значимой и далекой от разрешения.

Не секрет, что при написании книги «Бронзовый век на Енисее» Мергарт постоянно обращался к своему финскому другу за помощью и консультациями, использовал его публикации и материалы. Доказательством тому – многочисленные ссылки на работы Тальгрена. Кроме того, подготовка книги – лейтмотив практически всей их переписки 1920-х гг., которая в эти годы была наиболее регулярной и содержательной. Сам Геро Вальтерович участие и роль «бога русской археологии» в создании книги считал исключительным и даже пошутил по этому поводу (2.08.1925): «и вообще, если бы я “Тальгрэн” заменял одним значком, что-то вроде “Т”, то моя книга была бы на лист корочке». Взяв за образец сравнительно-хронологическую схему финского археолога, сопоставившего культуры бронзового века Восточной Европы с анатолийскими, эгейскими, кавказскими, центрально- и североевропейскими (Tallgren, 1926, p. 142), Мергарт «привязал» к ней свою схему енисейских и восточноевропейских культур (Merhart, 1926, S. 15, 16). (Табл. 1)

¹⁹ Судим об этом по их письмам Мергарту, хранящимся в архиве Марбургского университета Филиппа; см. также: (Детлова, Кузьминых, 2014).

III. ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ПРОБЛЕМ БРОНЗОВОГО И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.

Уже в ранних работах сформировался подход Мергарта к анализу и характеристике археологических культур. На примере ведущих форм инвентаря он попытался определить исходный очаг, примерные хронологические и территориальные рамки, очаги трансформации, проследить пути распространения и проявления культуры. Но если ранние письма 1921–1923 гг. практически полностью посвящены «сибирской» тематике, то постепенно в переписке все меньше внимания уделяется енисейским материалам. Несмотря на заверения, что «наши сферы интересов претерпят разграничения» (22.04.1922), научные аппетиты Мергарта возрастают, и он «вторгается» в область интересов финского ученого. Наиболее интенсивная полемика по вопросам бронзового и раннего железного веков Восточной Европы развернулась в 1922–1928 гг.

1. Проблемы Сеймы, Турбина, Галичского клада, фатьяновской культуры и Майкопа и их соотношения друг с другом.

Особенно заметное место отведено в письмах обсуждению т.н. сейминской проблемы. К ее осмыслению Мергарт пришел, как уже отмечалось, при изучении территориального распределения бронзовых кельтов в Енисейском крае, выделив южную (минусинскую) и северную (красноярскую) провинции их распространения. Северные орудия с ярко выраженной геометрической орнаментацией австрийский археолог рассматривал как более позднюю – енисейскую – ветвь развития сейминских кельтов. Именно в связи с проблемой происхождения «топоров красноярского типа» он размышлял и в переписке с Тальгреном, и в своей книге (Merhart, 1926) над, казалось бы, далекой для него сейминской проблемой.

Уже в письме от 26.10.1922 г. Мергарт затрагивает проблему Сеймы, а в 1924 г. уже на равных ведет диалог с Тальгреном. Проблеме Сеймы Геро Вальтерович придает исключительное значение: «Проявления Сеймы я ощущаю повсюду и думаю, что из этого что-то выйдет» (20.12.1922), однако «загадка происхождения сейминской культуры» остается до поры до времени для него неразрешимой (10.09.1924). Истоки этого феномена, по его мнению, следует искать на западе. В отличие от Тальгрена, который назы-

вал Венгрию²⁰ в качестве исходной области геометрического орнамента кельтов Сеймы, для Мергарта, хотя он и указывал на некоторые схожие черты в декоре кельтов Сеймы и Венгрии, морфологическая связь сейминских и западных орудий не бесспорна: «Сейминские топоры не выводятся из Венгрии! И обратно не влияют» (4.01.1924).

Основная идея концепции австрийского ученого: «Сейма мигрировала с Запада на Восток и оказывала влияние на Сибирь» (20.12.1922). Ее «ответвления» в Сибири не скрещиваются с местными формами, однако здесь они вырождаются и «уже на Урале они не просты и свободны от примесей» (26.03.1923). Производные от сейминских форм, согласно его представлениям, нередко встречаются в Минусинской котловине, куда отголоски Сеймы проникают с севера через Ачинские ворота. Подтвердить свое мнение и проследить путь распространения сейминской культуры на восток он пытался на основе анализа самой массовой категории инвентаря – кельтов.

Мергарту было трудно принять гипотезу В.А. Городцова (1915) о сибирских истоках Сеймы. Но в отличие от Тальгрена, который обосновывал эту идею в отрыве от хронологии западных и восточных орудий и был заложником представления о том, что все передовое и более раннее возникло на западе, его австрийский коллега временами сомневался в такой посылке. Однако не до такой степени, чтобы быть готовым отказаться от своих убеждений. С городцовой точкой зрения он был категорически не согласен: «Городцов поет свою старую песню <...> о мировом источнике бронзового века в Сибири. Над этим мы можем посмеяться между собой» (19.09.1925). В итоге же «старая песня» Городцова, несмотря на кажущуюся парадоксальность (Черных, Кузьминых, 1991), оказалась более живучей и получила весомые доказательства в конце XX века (Черных, Кузьминых, 1989).

Во взглядах на датировку, культурную и хронологическую взаимосвязь Сеймы, фатьяновской культуры и Галичского клада финский и австрийский археологи полемизируют не только с Городцовым, но и друг с другом – здесь их представления существенно разошлись. Мергарт не считал себя специалистом по археологии эпох бронзы и раннего железа Восточной Европы, но в диалоге с

²⁰ Так в научной традиции того времени назывался Балкано-Карпатский регион.

Тальгреном его острый и пытливый ум подметил некоторые нестыковки в аргументации финского коллеги.

Михаил Маркович отстаивал идею о культурной и хронологической взаимосвязи Сеймы и фатьяновской культуры и изначально датировал Сейму 2000–1700 гг. до н.э. Мергарт, напротив, настаивал на разграничении Сеймы и Галичского клада с фатьяновскими древностями. Австрийский археолог верно подметил большую древность (около 2000 г. до н.э.) и длительность существования фатьяновской культуры. Ее истоки коренились, по его мнению, в неолите, а финал приходился на время Сеймы; основанием для этого вывода послужили находки фатьяновской керамики на Туровском (Галичском) и Сейминском поселениях. Геро Вальтерович рассматривал Сейму как гораздо более поздний памятник, одновременный Галичскому кладу. При этом он опирался на находки в Сейме и Галичском кладе морфологически близких кинжалов с пластинчатыми клинками и металлическими рукоятками с фигурками животных²¹. Первоначально оба памятника Мергарт синхронизировал со временем раннего гальштата (1200–1000 гг. до н.э.), но позднее отнес их к более развитой стадии бронзового века, нежели фатьяновские древности, и датировал 1400–1300 гг. до н.э. От фатьяновской культуры он отделял не только Сейму и Галичский клад, но и Турбинский могильник, ставший известным после исследований А.В. Шмидта в 1924–1927 гг. (Schmidt, 1927). Австрийский археолог вслед за автором раскопок (Ibid, S. 7–10) подчеркивал, что керамика, найденная на площади этого могильника²², не имеет ничего общего с фатьяновской.

В настоящее время относительная хронология и соотношение фатьяновской культуры, Галичского клада и сейминско-турбинских древностей друг с другом, конечно, изменились, но австрийский ученый, в отличие от своего финского коллеги, уже в самом начале их дискуссии был гораздо ближе к современным представлениям по этим по-прежнему актуальным вопросам бронзового века.

На ошибочность датировки фатьяновской культуры и Сеймы Мергарт указы-

²¹ См. подробнее о них: (Черных, Кузьминых, 1989, с. 108–110).

²² В реальности могильник перекрыт культурным слоем с остатками ананьинской и гляденовской культур эпохи раннего железа (Schmidt, 1927, taf. III–V), которые не имеют отношения к погребальным и жертвенным комплексам бронзового века.

вает Тальгреноу в ряде писем (22/23.08.; 10.09.1924). Он был готов пойти на компромисс относительно хронологических рамок этих культур и признать: «*Фа – 1700, Сейма – 1400*» (10.09.1924), но по-прежнему настаивает на их культурном разграничении. И хотя Геро Вальтерович признавался в своей нелюбви к полемике и ставил «*добрые личные отношения*» гораздо выше научной истины (26.03.1923), но всё же продолжал убеждать Тальгрена в его неправоте. (Рис. 6) Для финского археолога доводы австрийского коллеги – не сразу! – оказались более действенными, нежели более ранняя критика А.А. Спицына и В.А. Городцова²³. Справедливость замечаний и предложений Мергарта стали для Тальгрена очевидными к 1925–1926 гг. – и в немалой степени благодаря погружению в материалы бронзового века юга России и Украины (Tallgren, 1925; 1926), а также публикации материалов Турбинского могильника (Schmidt, 1927), расположенного далеко на востоке – за многие сотни километров от Оки и Сеймы – на Западном Урале.

Именно в эти годы наметился перелом в представлениях финского ученого о происхождении, хронологии и верификации фатьяновской культуры, Галичского клада и Сеймы (Tallgren, 1926, p. 142). Очевидная связь Сеймы и Турбина заставила Тальгрена отказаться от связи Сеймы с фатьяновской культурой; скорректирована была и датировка Сеймы (1300–1200 или 1300–1100 гг. до н.э.), но при этом Галичский клад он по-прежнему считал не намного (1400–1100 гг. до н.э.), но древнее Сеймы. Мергарт не замедлил отметить для себя изменения во взглядах коллеги: «*Сейма теперь 1300–1200, что так близко к моему (представлению – авт.), что я хотел бы углубиться самое большее на 200–300 лет. Но, может быть, я в этом когда-нибудь уступлю, и мы полностью сойдемся*» (13.04.1926).

В переписке Мергарта и Тальгрена Турбинскому могильнику и Бородинскому кладу уделяется меньшее внимание, нежели Сейме, Галичскому кладу и фатьяновской культуре, но они встроены в общие культурно-хронологические схемы (Tallgren, 1926, p. 142; Merhart, 1926, S. 15, 16). В их письмах ставится явно больше вопросов, чем дается ответов. Многие проблемы – и это признается обоими исследователями – остаются нерешенными. В их числе – истоки фатьяновской культуры и ее взаимосвязи с окружающим миром;

²³ См. об этом подробнее: (Кузьминых, Сафонов, 2003; Кузьминых, 2011; Кузьминых и др., 2014).

хронология и место Майкопского кургана среди других культур и памятников эпохи раннего металла; проблема хронологического соотношения Галичского клада и Майкопского кургана по материалам антропоморфного литья этих памятников (о косвенном влиянии Майкопа Мергарт пишет 4.10.1924 г.) и др. Сравнение фатьяновской культуры с Майкопским курганом шло, прежде всего, по линии керамики (круглодонные формы с выделенной вертикальной шейкой)²⁴ и медных топоров. Эту линию развития фатьянова активно отстаивал в переписке с Тальгреном Городцов (Кузьминых, Сафонов, 2003). Мергарт в итоге был ближе к городцовскому пониманию истоков фатьяновской культуры, нежели финский ученый, который связывал ее происхождение с северо-западными областями Европы (Tallgren, 1924). Тальгрэн в ряде статей обращался к морфологическому сходству антропоморфной скульптуры Майкопа, Казбекского (кобанская культура) и Галичского кладов²⁵, но в приводимых аналогиях не всегда был безупречен и точен.

2. Диалог о кельтах бронзового века Северной Евразии.

Мергарт пытался проследить динамику культурного взаимодействия между Восточной Европой и Сибирью в БВ–РЖВ на основе анализа различных групп кельтов. Этому посвящена значительная часть его книги о бронзовом веке на Енисее (Merhart, 1926, S. 40–119). Причем в ней характеризуются орудия, известные как по коллекциям сибирских бронз, так и с территории Восточной, Центральной и Северной Европы. Последние были изучены им в музеях Казани, Москвы и Петрограда, а также учтены по «корочкам» Спицына и публикациям А.А. Штукенберга, В.А. Городцова, А.М. Тальгрена и др.

Среди различных групп кельтов, известных на Енисее, Мергарт выделяет «кельты сейминского типа» по аналогии с орудиями Сеймы, отмечая при этом, что ранее они были отнесены Тальгреном к «*tny Pielavesi*»²⁶. Если следовать строго характеристике финского ученого, то в рамках типа Pielavesi Михаил Маркович объединял все известные ему в начале XX века кельты сейминско-турбинско-

го (СТ) типа, включая группы неорнаментированных (и среди них кельт из Pielavesi), т.н. поясковых и орнаментированных орудий без ушек и с ушками²⁷, а также тяжелые одноушковые кельты с зауженным туловом и массивным валиком-ободком по устью втулки (Tallgren, 1916, pl. XI: 2, 5–7)²⁸. В книге 1911 г. Тальгрэн, подводя итог обзора кельтов типа Pielavesi в Финляндии и России, отмечал, что это «*восточный тип, который распространился в Финляндию из восточной части Камско-Волжской области бронзового века. Там, в России, кажется, он связан с сибирскими кельтами*» (Tallgren, 1911, S. 189, 190). Мергарт же воспринял тип Pielavesi как неорнаментированную форму СТ-кельтов «*неопределенного возраста*», которая «*в Сибирь не проникла*»²⁹. В то же время «*истинный сейминский тип*» (то есть орнаментированные СТ-кельты – авт.), по мнению австрийского археолога, широко распространен в Северной Евразии – от Сеймы на западе до Минусинска на востоке. Его «*родиной*» Мергарт считал, помимо самой Сеймы, «*восточную центрально-русскую область*» (Волго-Камье – авт.), т.е. присоединялся к точке зрения Тальгрена об истоках типа Pielavesi.

Мергарт вслед за Тальгреном верно подметил сходство ушковых кельтов Сеймы и морфологически близких сибирских орудий, опубликованных В.В. Радловым (1902)³⁰. При этом он обратил внимание на то, что енисейская подгруппа кельтов сейминского типа – более коротких и с менее пышным орнаментальным декором – демонстрирует «*вырождающиеся формы*». Признаки вырождения, по его мнению, «*становятся более многочисленными с запада на восток и нужно констати-*

²⁷ См. подробнее обо всех группах СТ-кельтов: (Черных, Кузьминых, 1989, с. 38–63).

²⁸ В отечественной археологической литературе они получили наименование «кельты дербеденевского типа» (Тихонов, 1960, с. 44–46); см. о комплексе Дербеденевского клада и истории его изучения: (Булычев, 1902, табл. VII; Кузьминых, 1981, рис. 7, 8; Археологические... 1989, с. 17).

²⁹ Действительно, долгое время неорнаментированные СТ-кельты (тип К-4 по классификации Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых) не были известны в Сибири, но в последние годы два экземпляра орудий этого типа найдены в могильнике Преображенка-6 в Барабинской лесостепи (Молодин и др., 2004, рис. 1: 1, 2).

³⁰ Позднее все кельты Минусинской котловины ПБ-РЖВ, в том числе вошедшие в сводку Мергарта, были блистательно проанализированы М.П. Грязновым (1941).

²⁴ Эта линия сопоставлений была намечена еще в начале XX века А.А. Спицыным; см. подробнее: (Кузьминых, 2011, с. 8).

²⁵ См. подробнее об этой проблеме: (Студзицкая, Кузьминых, 2001, с. 147–150).

²⁶ См. их характеристику в трудах А.М. Тальгрена: (Tallgren, 1911, S. 184–190; 1916, p. 32–34).

ровать, что дополнение ушками сейминских кельтов последовало, по-видимому, на Западе, возможно, в Уральской области или в Восточной России» (Merhart, 1926, S. 70).

Первую часть этого заключения следует принять: именно в Сибири, между Обью и Енисеем, распространены морфологически наиболее поздние типы кельтов кижировского типа – укороченные, с обедненным орнаментом и «ложными» ушками (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 79, 80; Кузьминых, 2011б, с. 256), которые Мергарт справедливо воспринимал как «вырождающиеся формы» кельтов сейминского типа. Вторая часть заключения – о дополнении ушками СТ-кельтов только к западу от Урала – не подтвердилась в ходе новейших исследований. Одно- и двуушковые кельты доминируют как раз в азиатской зоне СТ-ареала (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 17–20; Кузьминых, 2011б, с. 244–247).

Анализируя «вырождающиеся формы» кельтов сейминского типа на Енисее, австрийский ученый указал на их «неопределенное отношение к красноярским топорам»³¹ и отсутствие каких-либо смешанных или переходных форм между ними (Merhart, 1926, S. 70). В начале 1920-х гг. обсуждение этого вопроса казалось правомерным, поскольку датировка красноярско-ангарских (КА) кельтов оставалась неясной – они воспринимались как орудия бронзового века. Сейчас мы знаем, что СТ- и КА-кельты не могли непосредственно «скрещиваться»: это орудия разных исторических эпох – поздней бронзы и раннего железа, но истоки красноярско-ангарских кельтов, безусловно, связаны с таежной линией развития сейминских и кижировских орудий позднего бронзового века (Кузьминых, 1991), а не со степной евразийской, представленной в Минусинской котловине массивными ушковыми кельтами лугавской и карасукской культур (Грязнов, 1941).

Среди волго-камских орудий, «непосредственно контактировавших с сейминскими топорами», Мергарт указывает на «тяжелые шестигранные топоры», соотнося их с группой В типа Pielavesi (см. ее характеристику: Tallgren, 1916, p. 32)³². Экземпляр из коллекции Заусайлова (Ibid, pl. XI: 5) он приводит в качестве типичного образца таких кельтов, который, на его взгляд, обнаруживает

³¹ В отечественной археологической литературе за ними закрепится наименование «кельты красноярско-ангарского типа» (Максименков, 1960).

³² Выше мы говорили о них как о кельтах дербеденевского типа.

бесспорное родство с сибирскими орудиями (Merhart, 1926, S. 81). Мергарт верно подметил основное отличие дербеденевских кельтов от минусинских: последние снабжены двумя ушками, волго-камские – одним (Ibid, Abb. 61). Примечательно обращение австрийского археолога к материалам Дербеденевского и Сосновомазинского кладов³³ в контексте хронологии бронзового века Восточной Европы. Он справедливо считал клад из Дербедени более поздним по сравнению с СТ-древностями, учитывая находку в нем кельта с лобным ушком (Черных, 1970, рис. 48: 30; Кузьминых, 1981, рис. 8: 3), аналогичного орудиям Сосновой Мазы (Черных, 1970, рис. 48: 19–21). Отсутствие в последнем клade и в ананьинских могильниках кельтов дербеденевского типа привело его к заключению о том, что кельты с лобным ушком из Дербедени и Сосновой Мазы в хронологическом отношении занимают «среднее положение между Сеймой и началом железного века» (Merhart, 1926, S. 83).

Верно поместив дербеденевские кельты между сейминскими и ананьинскими в рамках относительной хронологии, Мергарт задался вопросом о хронологическом диапазоне между Сеймой и ананьинской культурой. Во всяком случае, он сомневался в утверждении, что данные культуры разделяет 1000 или 800 лет (Ibid, S. 82, 83). Конечно, эти рассуждения от лукавого: дата начала ананьинской культуры 7 в. до н.э. была обоснована Таллгреном по скифским и кавказским аналогиям (Tallgren, 1926, p. 142), но о хронологии Сеймы и СТ-древностей в целом в начале XX века можно было только гадать³⁴.

В полемике с финским ученым Мергарт затронул проблему происхождения еще одной группы кельтов позднего бронзового века Восточной Европы, а именно: орудий с лобным ушком на фаске. Он приводит мнение Таллгрена о том, что в декоре этих кельтов прослеживается определенное подражание образцам из Балкано-Карпатского региона, «но не в форме, которая в восточно-русском (волго-камском – авт.) выражении в Венгрии неизвестна, а в Сибири популярна...» (Merhart, 1926, S. 88). Орнамент в виде треугольников на кельтах с лобным ушком (Ibid, Abb.

³³ См. об истории его открытия и изучения: (Малов, 2013).

³⁴ Только в последнее десятилетие появилась серия радиоуглеродных датировок, позволяющая решить проблему хронологии сейминско-турбинского феномена (Черных и др., 2017).

62), равно как и на орудиях дербеденевского типа из Волго-Камья Мергарт рассматривал в контексте влияния Сеймы. При этом необходимо отметить, что кельты с лобным ушком широко распространены в финале БВ от Западной Европы до Минусинской котловины. Морфологически ни они, ни орудия дербеденевского типа напрямую с СТ-орудиями не связаны. А геометрический орнамент на бронзовых орудиях и оружии, начиная с сейминско-турбинских образцов (которому Мергарт придавал столь важное значение), чрезвычайно быстро и повсеместно распространился в БВ–РЖВ по всей Евразии.

3. Хронология ананьинской культуры и ее памятников.

В диалоге Мергарта и Тальгрена речь шла, конечно, и об ананьинской культуре, и ее хронологии. Иначе и быть не могло. Для финского археолога ананьинские древности оставались любимым детищем, а книгу об этой культуре (Tallgren, 1919) Элла Кивикоски считала лучшей среди его трудов (Kivikoski, 1954, p. 96).

Основные итоги изучения ананьинских древностей Тальгрэн обнародовал в 1919 году. В дальнейшем Михаил Маркович не раз возвращался к обсуждению различных аспектов данной проблематики (Tallgren, 1936; 1937), и его диалог в письмах с Мергартом был для этого важным стимулом.

Проблема хронологии ананьинской культуры и ее отдельных памятников оставалась в центре внимания австрийского и финского ученых в переписке 1920-х годов. Причем часто косвенно, при обсуждении, например, хронологии Дербеденевского и Сосновомазинского кладов и находок с озера Сосновское на Урале. В принципиальном плане для Геро Вальтеровича «Ананьино синхронно с Минусинским основным бронзовым веком» (5.09.1923), а иначе говоря – с тагарской культурой. Ананьинская культура, по Мергарту, «по-европейски выражает еще фацию раннего гальштата, на самом деле, скифского времени» (19.09.1925). При этом австрийский археолог заметил у Тальгрена несоответствие в хронологии ряда позднебронзовых комплексов, в частности, с озера Сосновское на Урале и из Дербеденевского клада в Приуралье, которые Михаил Маркович датировал 900 г. до н.э. Мергарт совершенно справедливо разглядел в этих комплексах – наряду с формами орудий эпохи поздней бронзы – кельты ананьинского типа³⁵ и поставил перед Михаилом Маркови-

³⁵ В Дербеденевский клад этот кельт попал, скорее всего, по ошибке при инвентаризации в Уфимском

чем вопрос: «Если Сосновое и Дербедень 900 (г. до н.э. – авт.), тогда Ананьино начинается 900 (г. до н.э. – авт.)» (7.05.1926). Финский ученый в ответ заметил: «Я не совсем согласен с Вами в том, что эти находки одновременны с ананьинской культурой. Мне кажется, серпы, кинжалы и односторонние втульчатые топоры все же немного более древние, в любом случае, доскифские, из времени до 700 (г. до н.э. – авт.), а Ананьино идет, вероятно, параллельно скифским находкам 5 в. (г. до н.э. – авт.) <...>. Я бы хотел датировать Дербедень и Сосновое 900 (г. до н.э. – авт.), но, конечно, считаю Ананьино более поздним. Но очень возможно, что я ошибаюсь...» (16.05.1925). Но и далее в полемике финский коллега стоял на том, что ранняя фаза ананьинской культуры датируется 6–5 вв. до н.э. Лишь в 1926 г. он согласился удревнить ее на один век (Tallgren, 1926, p. 142).

Мергарт не мог принять аргументы Тальгрена и писал ему (16.05.1926), что Дербеденевский клад, если не синхронен ананьинской культуре, то, по меньшей мере, недалеко отстоит от нее. Но даты клада и ананьино, установленные финским археологом (несколько устаревшие в свете современных разработок), всё же оказались более верными по сравнению с теми, что предлагал австрийский ученый. Не вполне корректен был Мергарт и тогда, когда указывал на хронологическое тождество Сосновой Мазы и Дербедени: последний клад не намного, но старше Сосновомазинского (Черных, 1970, табл. Г; Бочкарёв, 2017, табл. 1). Ананьинская культура – при разных вариантах ее начального этапа (Кузьминых, Чижевский, 2014) – моложе Сосновой Мазы более чем на 500 лет.

В хронологическом сближении Дербеденевского клада и ананьино Мергарт исходил из морфологической близости кельтов этих памятников (Merhart, 1926, S. 102), в частности, орудий из клада (Черных, 1970, рис. 48: 5; Кузьминых, 1981, рис. 8: 4) и находок с Камы и Вятки (Merhart, 1926, Abb. 60–62)³⁶.

музее, или его намеренно подложили находчики на этапе продажи. Такие коллизии в дореволюционных собраниях – не редкость. В том же Уфимском музее, где хранится часть Дербеденевского клада, в коллекцию Куганакского клада эпохи раннего железа попали явно случайно не имеющие к нему отношения позднебронзовый прорезной наконечник копья и средневековое зеркало (Кузьминых, Трейстер, 2012, с. 166). Кельт с оз. Сосновское принадлежит к орудиям иткульской культуры (Берс, 1951, рис. 1: 26, с. 235).

³⁶ Наиболее яркая серия кельтов, аналогичных

Но при этом австрийский ученый отмечал, что безушковый кельт явно ананьинского типа не «вписывается» в основной комплекс предметов Дербеденевского клада – и его сомнения были вполне обоснованными. Одним из авторов этот кельт, морфологически близкий орудиям иткульской культуры (Бельтикова, 1993), был исключен из состава поздне-бронзового клада (Археологические... 1989, с. 17). В коллекцию, как уже отмечалось, он мог попасть случайно. Но в итоге, несмотря на сомнения Мергарта в позднебронзовом «возрасте» кельта ананьинского типа в Дербедени, это орудие довольно долгое время порождало ошибочные представления о хронологическом сближении клада и ананьинской культуры.

К проблеме ананьина Геро Вальтерович обращался и при анализе сейминского наследия в последующих культурах Волго-Камья и Енисейского края. *«Влияние сейминского стиля в Восточной России, – отмечал Мергарт, – простирается на все предшествующие ананьинским и частично синхронные формы кельтов, в Сибири выражается лишь у одной группы, которую можно признать одновременной с (орудиями – авт.) Ананьина»* (Merhart, 1926, S. 96). А одновременными ананьинским кельтам на Енисее он признает орудия красноярского или красноярско-ангарского типа. По мнению австрийского ученого, ананьинские кельты являются единственной группой орудий в восточной половине Европейской России, в которой заметно наследие Сеймы.

Однако в этом вопросе Мергарт был прав лишь отчасти. Ананьинские кельты подразделяются морфологически на два класса – с овальным и шестигранным сечением устья втулки. Орудия первого класса – с треугольной, трапециевидной и арковидной фасками и, как правило, без геометрического орнамента – сложились на базе позднебронзовых кельтов с лобным ушком (Кузьминых, 1983, с. 76). В пределах ананьинской культурно-исторической области (АКИО) они характерны, прежде всего, для постмаклашеевской культуры (Там же, табл. 9). С СТ-линией развития связаны в АКИО орудия второго класса – с прямоугольной фаской и разнообразным орнаментальным декором, по преимуществу

орудию из Сарапульского у. (Merhart, 1926, Abb. 60), который был привлечен Мергартом при анализе ананьинского по своему морфологическому облику кельта из Дербедени, представлена в Зуевском могильнике (Кузьминых, 1983, табл. XIV–XVI).

геометрическим (Там же, с. 77). В АКИО ареал шестигранных кельтов захватывает в основном таежные районы Волго-Камья, где распространены памятники ананьинских культур со шнуровой и гребенчато-шнуровой керамикой (Там же, табл. 9). Именно в отношении этих кельтов австрийский ученый был прав, отмечая их морфологическое родство с орудиями Сеймы.

Еще одно наблюдение Мергарта касалось инвентаря ананьинской культуры, а именно: присутствие в нем элементов, восходящих к доскифским формам и образцам орудий, оружия и украшений бронзового века Южной России и заимствованных населением Волго-Камья эпохи раннего железа. Австрийский ученый полагал, что ананьинская среда является единственной, в которой эти элементы появляются на востоке. К этому вполне здравому суждению Мергарт пришел только на основании материалов Ананьинского могильника и случайных находок. Исследованиями второй половины XX и начала XXI века в могильниках постмаклашеевской культуры АКИО был выявлен заметный пласт орудий, оружия, конской узды и украшений доскифских форм (Кузьминых, 1983, с. 174–176; Чижевский, 2008). Но Мергарт не мог и предположить, что в культурах ранних кочевников Азии предскифский пласт древностей (горизонт Аржана-1 и синхронных ему памятников) будет выделен повсеместно.

4. Младшее Волосово, меларские кельты, Томский могильник в системе взаимосвязей востока и запада.

В хронологической схеме культур БВ–РЖВ Восточной Европы Младший Волосовский могильник³⁷ являлся для Мергарта ключевым памятником в его полемике с Тальгреном. Один из обсуждавшихся ими

³⁷ Памятник, расположенный в Навашином районе Нижегородской области, был раскопан в 1910 г. В.А. Городцовым (1914). В Волосовском археологическом микрорайоне выявлен ряд памятников. Старший и Младший Волосовские могильники локализуются на высоком правом берегу р. Велетьмы недалеко от места впадения ее в Оку. Первый из них Городцов располагает на холме “А”, второй – на холме “В”, а Волосовскую стоянку (давшему название известной археологической культуре неолита-энеолита) – на холме “С”, т.е. территориально разграничивает эти памятники. На холме “В” погребения Младшего Волосовского могильника прорезали культурный слой поселения с керамикой двух типов: “текстильной” эпохи поздней бронзы и ямочно-гребенчатой эпохи неолита (Попова, 1966, с. 45, 46; Кузьминых, Чижевский, 2006).

аспектов касался генетической взаимосвязи меларских и ананьинских кельтов и их хронологии. Для финского ученого «шведские» или меларские кельты лежали в основе развития всех позднейших форм бронзовых кельтов Восточной Европы, включая и ананьинские. Через все его работы проводилась мысль о проникновении меларских кельтов из Средней Швеции в центр Европейской России благодаря шведским колонистам (Tallgren, 1916a, p. 368–371)³⁸ или оживленным торговым связям (Tallgren, 1911, s. 178; 1937, p. 40). Из-за отсутствия этих кельтов в погребальных комплексах ананьинских могильников само начало данной культуры Тальгрэн относил ко времени появления скифских и античных импортов на Каме, т.е. не ранее 600 (Tallgren, 1919, p. 180, 182), а затем 700 г. до н.э. (Tallgren, 1926, p. 142).

Мергарт в диссертационном исследовании поддержал идею финского коллеги о генезисе ананьинских кельтов от меларских (Merhart, 1926, S. 97), но, судя по переписке, его смущало присутствие обеих форм кельтов в Младшем Волосовском могильнике. Среди инвентаря вскрытых В.А. Городцовым могил австрийский археолог обратил внимание на массивный кельт с остатками деревянного вкладыша во втулке, который определил как «несколько вырождающийся меларский топор», а также на орудие «несомненно ананьинской формы» (Ibid, S. 94). Это дало ему основание наметить связь Младшего Волосова, с одной стороны, с камскими ананьинскими древностями, с другой – с памятниками северо-запада Восточной Европы и Фенноскандии с меларскими кельтами³⁹. По поводу другого орудия из этого могильника⁴⁰ австрийский ученый задался в 1922 г. вопросом: «Нужно ли рассматривать его как переход от Мелара к Ананьину»⁴¹. Через пару

³⁸ Младший Волосовский могильник рассматривался Тальгреном как «шведский объект» среди аборигенных окских памятников конца бронзового века (Tallgren, 1937, p. 40).

³⁹ В те годы еще не было понимания того, что меларские кельты являются характерным оружием культуры текстильной керамики (КТК) и соседствующих с нею культур; см. об истории проблемы (Кузьминых, 1989, с. 88, 90; 1993; Kuzminych, 1996).

⁴⁰ См. его изображение: (Кузьминых, Чижевский, 2006, рис. 5: 3).

⁴¹ Такая постановка вопроса, как показали дальнейшие исследования (Кузьминых, 1993; Kuzminych, 1996), была вполне правомерной. Серия орудий с чертами кельтов ананьинского и меларского

лет (4.10.1924) Мергарт попытался выстроить другую хронологическую цепочку, объединив в нее сейминские, меларские, ананьинские и красноярские кельты. Он исходил из того, что «если *Ме* (Мелар – авт.) *возраста Ананьина*, а *Ананьино* одновременно моим красноярским топорам, тогда *Се* (Сейма – авт.) *не должна быть намного старше, чем Ме, т.к. ответвления Сеймы передают орнамент к Кра* (красноярским кельтам – авт.) <...>. Но я, со своей стороны, тоже охотно или не охотно признаю, что здесь еще много неясного». Но если в отношении хронологического сближения орудий меларского, ананьинского и красноярско-ангарского типов австрийский археолог был близок к истине, то ошибался, когда хронологически сближал сейминские и меларские кельты.

Мергарт обратил внимание на то, что в «могилах Волосова также встречается и железо», что в этой связи «нужно допустить большую длительность существования меларских кельтов» (Ibid, S. 94, 95), т.е. не ограничивать их бытование V–VI периодами скандинавского бронзового века (по периодизации О. Монтелиуса, XI–VIII до н.э.). Сомнения Геро Вальтеровича по поводу хронологии Младшего Волосова, которую отстаивал его финский коллега, были не беспочвенны. Тальгрэн «закрывал» глаза на то, что в могильнике невозможно хронологически разделить комплексы с меларскими и ананьинскими кельтами, что в погребениях встречаются железные предметы, – и он попросту вывел памятник за скобки обсуждения проблемы хронологии ананьина. Мергарт же – в отличие от Михаила Марковича – сделал шаг вперед и не стал игнорировать факты, которые не укладывались в хронологическую схему финского археолога. Австрийский археолог, тем не менее, продолжал поддерживать ошибочный вывод Тальгрена о генетической связи меларских кельтов с ананьинскими, рассматривая последние «как конечный продукт серии» развития скандинавских орудий в центре Русской равнины (Ibid, S. 18, 19). Вслед за финским коллегой Мергарт ограничил ареал меларских кельтов на востоке устьем Камы, подтверждая, что «до Сибири производные Мелара не дошли» (19.10.1924).

Для австрийского ученого ананьинская культура являлась финалом т.н. «восточнорус-

типов стала рассматриваться одним из авторов данной статьи как смешанная, симбиозная форма, отражающая взаимодействие ананьинских и «текстильных» традиций металлообработки.

ского» бронзового века и хронологическим аналогом его «минусинской», «красноярской» и «томской» культур, и, естественно, он перебрасывал между ними «мостики».

Хронологически с ананьино Мергарт связывал минусинский поздний бронзовый век или, в современном представлении, тагарскую культуру (см. о ней: Членова, 1967; Субботин, 2014). Однако каких-либо ананьинских форм изделий в минусинских древностях он не выявил. Пришедшие в ананьинскую эпоху на Енисей западные влияния, по мнению австрийского ученого, почти полностью остаются в северной лесостепи и на юге таежной зоне⁴². Проникнуть в «северную провинцию бронзы» на Енисее или в лесостепные районы среднесибирской общности они могли благодаря связям с ананьинской культурой при посредничестве культур Среднего Приобья. Зримое отражение этих связей Мергарт видел в материалах Томского могильника⁴³, который «представляет <...> особую провинцию с местным отпечатком и с ананьинским элементом» (26.03.1923).

Временной и фактический контакт культур красноярской лесостепи и ананьинской культуры, по его мнению, подтверждается кельтами из д. Бурундуковой Томской губернии (Merhart, 1926, Abb. 55) и с р. Курейки Енисейского уезда и губернии (Ibid, Abb. 59), в которых якобы сочетаются признаки орудий этих отдаленных регионов. Гибридную форму орудия с Курейки он усматривал в том, что «его форма и тонкостенность допускают сравнение лишь с ананьинскими кельтами» (Ibid, S. 100). Но это утверждение нельзя признать верным: Мергарт в то время не был знаком с большой серией западносибирских кельтов кулайской культуры (Чиндина, 1984, с. 26–28), с которыми более всего близки экземпляры из Бурундуковой и Курейки. В то же время кулайские кельты (в том числе и упомянутые выше) – шестигранные и тонкостенные – морфологически родственны с серией ананьинских, иткульских и усть-полуйских орудий таежных районов Волго-Камья, Урала и Нижнего Приобья; у них общие истоки – кельты сейминско-турбинского и самусьско-кижировского типов позднего бронзового века (Кузьминых, 1991).

⁴² Здесь выделяют в настоящее время памятники лесостепной тагарской культуры и среднесибирской археологической общности (Макаров, 2014, с. 451, 452).

⁴³ См. подробнее о памятнике и его культуре: (Комарова, 1952).

5. О кельтах красноярско-ангарского типа.

Свои выводы и наблюдения относительно культур БВ–РЖВ Восточной Европы Мергарт проецировал на енисейские материалы и, прежде всего, на «красноярские топоры». (Рис. 7) Австрийский ученый рассматривал их как явление, объединяющее черты орудий Сеймы и ананьино: «Красноярские кельты содержат резонанс Сеймы и отчетливые признаки ананьинской культуры» (22.06.1923). Морфологически он описывал их как «довольно узкий симметричный клин с прямоугольным туловом, прямоугольным устьем втулки, глубокой внутренней втулкой и слабыми, но не тонкими стенками» (Merhart, 1926, S. 41). Мергарт отмечал, что безушковые красноярские кельты с геометрическим орнаментом «известны издавна (их изображения содержатся в аспелинских «Древностях»⁴⁴, атласе Радлова⁴⁵)» (Ibid, S. 40). Выделение их в особую группу кельтов, получивших в дальнейшем название красноярско-ангарских (Максименков, 1960), является бесспорной заслугой австрийского ученого.

В книге «Бронзовый век на Енисее» Мергарт учел около 70 кельтов и две литейных формы (Merhart, 1926, S. 42–45). Наибольшее количество КА-орудий (43 экз.) и литейная форма, как демонстрирует составленная им карта (Ibid, Taf. I), происходит из средней и северной частей Енисейской губернии и западных пределов Иркутской губернии; лишь два кельта и литейная форма найдены в Минусинском округе. Центры производства КА-орудий локализуются в Красноярску-Канской лесостепи. На запад и восток от этого региона формы красноярских кельтов, по мнению австрийского археолога, вырождаются. Северные, восточные и южные рубежи ареала КА-кельтов намечены им в пределах Балаганской волости Иркутской губернии, Тункинской котловины, Якутской области вдоль Лены; связующей линией ареала являлась Ангара.

Генезис красноярско-ангарских кельтов Мергарт связывал с массивными двуушковыми минусинскими орудиями с валиком-ободком по венчику втулки, прямоугольной фаской и шестигранным сечением тулова (Ibid, Abb. 46–48, 52). Геро Вальтерович предполагал, что цепь трансформаций привела к формирова-

⁴⁴ Речь идет о следующих изображениях: (Aspelin, 1877, pl. 147, 149, 151).

⁴⁵ Речь идет о кельте из Яновой (Радлов, 1902, табл. II: 9).

нию красноярских кельтов с геометрическим орнаментом (Ibid, Abb. 2–29), морфологически далеких от хронологически синхронных с ними минусинских орудий (Ibid, Abb. 30, 31, Taf. IX: 5). Последние сохранили валик-ободок по венчику втулки, боковые ушки и, по сути, приобрели подпрямоугольное сечение тулова. Важнейшим отличием КА-кельтов от минусинских являлись, по мнению Мергарта, существенно меньший вес и геометрический декор, который, как он полагал, появился благодаря связям с Сеймой (Ibid, S. 52). Эти наблюдения австрийского ученого недалеки от истины, а именно: верно намечена линия развития красноярско-ангарских кельтов от «материнских» сейминских форм, как и суждение об их хронологии – не старше Томского могильника и ананьина (Грязнов, 1941). Однако в свете современных данных не нашло подтверждения мнение о влиянии на КА-топоры орнаментального стиля западных (балкано-карпатских) и волго-камских кельтов позднего бронзового века (Merhart, 1926, S. 88–93, 100–105). У красноярско-ангарских кельтов были свои предшественники в Сибири – кельты самусьско-кижировского типа (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 75–80).

IV. О СКИФСКОЙ «ВУАЛИ» В КУЛЬТУРАХ РЖВ ВОЛГО-КАМЬЯ И СИБИРИ.

Важной темой эпистолярного общения Мергарта и Тальгрена были вопросы о скифском влиянии на волго-камские и енисейские культуры, а также о происхождении звериного стиля, его очагов и путей распространения. Еще в рассуждениях о минусинской культуре БВ–РЖВ (20.12.1922) австрийский археолог высказывался в пользу того, что Минусинская котловина испытала и «восточнорусское»⁴⁶, и «скифское» влияние и что вообще там «ощущается влияние с разных сторон». Звериный стиль, по мнению Мергарта, пришел в Сибирь с запаздыванием с Древнего Востока, и в этом он следует за М.И. Ростовцевым (1918). В формировании минусинского звериного стиля участвовало искусство Ирана и Передней Азии (22/23.08.1924), и в стилевом отношении его образы были неоднородны. В

⁴⁶ «Восточнорусское» влияние – это параллели в зверином стиле Ананьинского могильника, а также некоторым формам орудий и оружия ПБВ (так называемые евразийские типы в минусинских древностях), которые проникли в Минусинскую котловину через посредство андроновской (федоровской) и андронидных культур или непосредственно с ними были связаны.

Азии существовали две их ветви: более древняя – праскифская и более молодая – времени звериных пластин (тесинского и таштыкского времени – *авт.*). В отличие от Г.И. Боровки, чьи взгляды на истоки скифского звериного стиля кардинально расходились с представлениями австрийского коллеги (Borovka, 1928) и, как выяснилось позднее, были гораздо ближе к истине, Мергарт отрицал какое-либо китайское влияние на формирование его образов. Тальгрэн и публично (Tallgren, 1933), и в переписке (2.10.1926) признавал решающую роль Бактрии в формировании «сарматского» звериного стиля, локальные варианты которого могут встречаться во многих периферийных культурах Евразии, при этом Михаил Маркович призывал «проверить Туркестан, Кавказ, Малую Азию» на предмет его истоков (2.10.1926).

В ананьинскую культуру образы скифского звериного стиля, по мнению Мергарта, проникли не с востока, юга или юго-востока. Доказательство тому – бляха со сценой борьбы в Пьяноборском могильнике (Tallgren, 1919, fig. 120: 8). Типичные для сибирского стиля смотрящий вперед олень или горный козел здесь не имели значения. Тальгрэн, в свою очередь, указывал на наличие в ананьинской культуре архаических форм звериного стиля, восходящих к образцам аборигенных культур эпох неолита и бронзы, которые не встречаются в развитых культурах скифского мира (2.10.1926), но при этом основной пантеон образов ананьинского звериного стиля сложился, по его мнению, под влиянием Скифии и Центральной Азии (Ibid, p. 172–181).

В книге «Бронзовый век на Енисее» Мергарт подробно анализирует образы и сюжеты, характерные для звериного стиля енисейских культур, и на основе диагностических форм инвентаря пытается выделить внутри него различные культурно-хронологические горизонты («культура звериных пластин», «культура золотых пластин») (Merhart, 1926, S. 120–134). Однако в его переписке с Тальгреном обсуждение различных аспектов звериного стиля на Енисее оставалось в тени более актуальных для них тем (относительная хронология БВ–РЖВ Восточной Европы и Сибири, взаимосвязи археологических культур этих регионов, кельты красноярского типа и их происхождение и др.). Австрийский ученый признавал шаткость и спорность многих выдвигаемых ими предположений, объясняемых, в первую очередь, нехваткой фактических данных. В одном из

писем (4.10.1924) он даже шутливо негодует по этому поводу: «*Это определенно сказочный беспорядок, что пращурь не собирали старые формы при каждом прогрессе в стиле и не зарывали это где-то с документом о времени создания*».

У. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.

В 1930-е годы содержание полемики в переписке изменилось – теперь это проблемы западноевропейских культур, и прежде всего приальпийских областей, которые в те годы активно разрабатывались Мергарт и его учениками в Марбурге. (Рис. 8) Постепенно объем переписки и ее интенсивность угасают. К концу 1930-х гг. она приобретает почти исключительно бытовой характер. Несколько раз ученые встречались лично. В 1931 г. Мергарт наконец-то побывал в Финляндии и познакомился с сокровищами Национального музея, в том числе со знаменитыми коллекциями В.И. Заусайлова и И.П. Товостина. В 1932 г. Тальгрэн посещал Германию и, конечно, университет Филиппа в Марбурге-на-Ланне, где Мергарт с 1 мая 1928 г. возглавлял кафедру доисторической археологии, став основателем известной «марбургской» научной школы. В 1934 г. они вновь встретились – на этот раз в Швейцарии, в Берне. Долгие годы Михаил Маркович оставался для своего коллеги (которому так больше и не удалось побывать в России) единственным источником информации и получения русской и советской археологической литературы и единствен-

ным звеном, связывающим австрийского (а с 1928 г. немецкого) ученого с коллегами из СССР. (Рис. 9, 10)

Многое в диалоге, с которым мы кратко познакомим читателей, ставило Мергарта и Тальгрэна в тупик и не укладывалось в цепь предложенных ими логических рассуждений. К сожалению, той полнотой знаний и информации, которая известна нам в начале XXI века, Михаил Маркович и Геро Вальтерович в 1920-е годы не располагали. Но при этом можно только удивляться, насколько верно они наметили основные вехи происхождения, распространения и взаимодействия культур бронзового и раннего железного веков Северной Евразии, а также указали направления дальнейших поисков, причем не узколокальные, а в широком евразийском контексте. Они обращались к проблемам, к той же сейминский, ананьинской или происхождения кельтов красноярско-ангарского типа, которые и в современной науке остаются дискуссионными и далекими от своего окончательного разрешения. Переписка и диалог Мергарта и Тальгрэна не менее ценны и тем, что подкупают нас научной смелостью, остротой мысли, полемическим задором, которого обычно лишены строгие академические труды (включая и героев нашего очерка). В этом отношении полемика между австрийским и финским археологами является для нас своеобразным камертоном, по которому мы должны сверять свой путь в науке, а их переписка, безусловно, должна стать достоянием археологической науки.

ЛИТЕРАТУРА

- Археологические памятники Восточного Закамья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: ИЯЛИ, 1989. 100 с.
- Бельтикова Г.В. Развитие иткульского очага металлургии // Вопросы археологии Урала / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: УрГУ, 1993. Вып. 21. С. 93–106.
- Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири: История идей и исследований XVIII – первой трети XX вв. Новосибирск: Наука, 1986. 165 с.
- Берс Е.М. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. II / Отв. ред. А.Я. Брюсов. М.: АН СССР, 1951. С. 182–143. (МИА; № 21)
- Бочкарёв В.С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // Stratum plus. 2017. № 2. С. 159–204.
- Булычев Н.И. Древности из Восточной России. Вып. I. М.: Тип. Т-ва художественной печати, 1902. 33 с.+12 л. ил.
- Вдовин А.С., Детлова Е.В., Кузьминых С.В., Макаров Н.П. К истории красноярской археологии: международные связи // Енисейская провинция: Альманах. Вып. 5 / Отв. ред. А.С. Вдовин, К.В. Карпухин. Красноярск: Литера-Принт, 2010. С. 106–119.
- Вдовин А.С., Кузьминых С.В. Сергеев Сергей Михайлович (1879–1947): начало научной деятельности // Археология Южной Сибири. Вып. 24 / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: Летопись, 2006. С. 168–174.
- Вдовин А.С., Кузьминых С.В. Частные археологические коллекции из Енисейского округа // Енисейский Север: история и современность: Сб. науч. статей / Отв. ред. А.С. Вдовин. Красноярск: КГПУ, 2011. Вып. 1. С. 96–108.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губернии, 1901 г. // Труды XII АС. Т. I / Под ред. П.С. Уваровой. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1905. С. 174–225.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, 1903 г. // Труды XIII АС. Т. I / Под ред. П.С. Уваровой. М., 1907. С. 210–285.

Городцов В.А. Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1910. 474 с.

Городцов В.А. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 г. // ДТМАО. 1914. Т. 24. С. 40–216.

Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // ОИРИМ за 1914 год. М., 1915. С. 121–226.

Грязнов М.П. Древняя бронза Минусинских степей. I. Бронзовые кельты // Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Т. 1. Л.: Гос. Эрмитаж, 1941. С. 237–271.

Детлова Е.В. Геро Мергарт и российская археология: новое в исследованиях // Современные проблемы археологии России: Материалы Всероссийского археологического съезда. Т. II / Отв. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2006. С. 414–416.

Детлова Е.В. «Я часто вспоминаю о Красноярске и о дружбе, которую я там встретил...»: (По страницам писем и мемуаров Геро фон Мергарта) // Второй век подвижничества / Сост. Л.Л. Карнаухова, Н.И. Сичкарь. Красноярск: КККМ, 2011. С. 88–105.

Детлова Е.В., Буровский А.М., Кузьминых С.В. Конфликт В.А. Городцова и Г. Мергарта в контексте истории науки // STRATUM plus. 2014. № 1. С. 211–227.

Детлова Е.В., Кузьминых С.В. «Я очень интересуюсь Вашими работами»: к истории взаимоотношений М.П. Грязнова и Г. Мергарта // Теория и практика археологических исследований. № 2 (10). Барнаул: АлтГУ, 2014. С. 112–121.

Ермолаев А.П. Ишимская коллекция. Красноярск: Тип. Абалакова, 1914. 19 с., 8 л. ил. (Серия «Описание коллекции Красноярского музея. Отд. археол.»; Вып. 1)

Катанов Н.Ф. Несколько слов о казанских коллекционерах // Казанский музейный вестник. 1920. № 7–8. С. 35–46.

Ковтун И.В. Андроновский орнамент (морфология и мифология). Казань: Казан. недвижимость, 2016. 547 с.

Комарова М.Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. I / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: АН СССР, 1952. С. 7–50. (МИА; № 24)

Кузьминых С.В. Металлообработка срубных племен Закамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН, 1981. С. 41–70.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 256 с.

Кузьминых С.В. Кельты Северной Евразии раннего железного века: сейминско-турбинская линия развития // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: ТДНК / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: АлтГУ, 1991. С. 96–98.

Кузьминых С.В. Меларские кельты Восточной Европы и Фенноскандии (к проблеме одной археологической загадки) // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 3 / Отв. ред. В.П. Челябинов. Рязань: НПЦ, 1993. С. 61–109.

Кузьминых С.В. А.А. Спицын и А.М. Тальгрэн: из истории отечественной археологии начала XX века // Тверской археологический сборник. Вып. 8, том II: Материалы IV Тверской археологической конференции и 12-го заседания научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011а. С. 5–27.

Кузьминых С.В. Сейминско-турбинская проблема: новые материалы // КСИА. 2011б. Вып. 225. С. 240–262.

Кузьминых С.В. Материалы к биографии Василия Ивановича Заусайлова (по материалам писем М.Г. Худякова, А.В. и В.А. Геркен) // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Казань: ЯЗ, 2012а. С. 180–185.

Кузьминых С.В. «Монтелиус» туркестанских степей: переписка М.П. Грязнова и А.М. Тальгрена (1926–1930 гг.) // Теория и практика археологических исследований. № 2 (10). Барнаул: АлтГУ, 2014. С. 122–141.

Кузьминых С.В., Вдовин А.С. К истории археологической коллекции И.П. Товостина // Енисейская провинция: Альманах. Вып. 3 / Отв. ред. А.С. Вдовин. Красноярск: КГПУ, 2007. С. 88–91.

Кузьминых С.В., Вдовин А.С., Гален Г. Из истории российских археологических коллекций за рубежом: собрание И.П. Товостина в Музейном ведомстве Финляндии // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): ММНК / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016а. С. 36–39.

Кузьминых С.В., Вдовин А.С., Кочкина Е.И. К 100-летию экспедиции А.М. Тальгрена в Енисейскую губернию // Сборник материалов V межрегиональных краеведческих чтений, посвященных Леониду Романовичу Кызласову (19–20 ноября 2015 года) / Отв. ред. В.Н. Тугужекова. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2016б. С. 163–170.

Кузьминых С.В., Детлова Е.В. Из истории российской археологии 1920-х годов: Геро фон Мергарт и Сибирь // Вестник РГНФ. 2010. № 1(58). С. 42–51.

Кузьминых С.В., Детлова Е.В., Салминен Т., Сафонов И.Е. А.М. Тальгрена в истории российской археологии // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 7–41. (Серия «Археология евразийских степей». Вып. 20)

Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. В.А. Городцов и А.М. Тальгрена: диалог в переписке // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее, часть 1 / Отв. ред. Н.И. Шишлина. М.: ГИМ, 2003. С. 6–8.

Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А. Вера Владимировна Гольмстен. Материалы к биографии. Самара: Офорт, 2007. 168 с.

Кузьминых С.В., Тишкина Т.В. «Вам надо повторить поездку на Алтай» (письмо Н.С. Гуляева А.М. Тальгрена) // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5. Барнаул: Азбука, 2009. С. 178–190.

Кузьминых С.В., Трейстер М.Ю. Основной каталог: В2. Клад на р. Куганак. Случайная находка 1860-х гг. // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. 2 / Отв. ред. М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский. М.: Таус, 2012. С. 166–169, 420–422, карта 1. (Серия «Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе»; Вып. 5)

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. К проблеме культурной принадлежности Младшего Волосовского могильника // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Сборник статей к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничникова / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 162–170.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // ПА. 2014. № 3(9). С. 101–137.

Макаров Н.П. Ранний железный век Средней Сибири // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 437–454. (Серия «Археология евразийских степей». Вып. 20)

Максименков Г.А. Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов // СА. 1960. № 1. С. 148–162.

Малов Н.М. Изучение памятников позднего бронзового века Нижнего Поволжья: 1900–1917 годы // Известия Саратов. ун-та. Нов. серия. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 89–92.

Мергарт Г. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае (автореферат) // Известия Красноярского отдела Русского Географического общества. Т. III, вып. 1. Красноярск, 1923. С. 29–36.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Софеев О.В., Михеев О.А., Позднякова О.А. Археолого-геофизические исследования памятника Преображенка-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии ИАЭ СО РАН 2004 г. Т. X, ч. 1 / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2004. С. 378–383.

Мяжков И.М. Находка на горе Кулайка // Труды Томского краеведческого музея. Т. 1 / Отв. ред. М.А. Слободский, М.Б. Шатилов. Томск: Красное знамя, 1927. С. 65–69.

Мяжков И.М. Древности Нарымского края: (В собрании Томского краевого музея) // Труды Томского краеведческого музея. Т. 2. Томск: Красное знамя, 1929. С. 51–86.

Попова Т.Б. Датировка и культурная принадлежность Старшего и Младшего Волосовских могильников // Археологический сборник / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Советская Россия, 1966. С. 42–48. (ТГИМ; Вып. 40.)

Радлов В.В. Сибирские древности. Т. 2, вып. 1. СПб.: Тип. Акад. наук, 1902. 38 с. + 5 л. ил. (МАР; № 27)

Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг.: Огни, 1918. VII + 190 с.

Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII вв.). Казань: Школа, 2014. 768 с.

Салминен Т. Финские археологи в России и Сибири в 1870 – 1935 годы // АЭАЕ. 2007. № 1 (29). С. 100–110.

Студзицкая С.В., Кузьминых С.В. Галичский клад: (К проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // Мировоззрение древнего населения Евразии / Отв. ред. М.А. Дэвлет. М.: Старый сад, 2001. С. 123–165.

Субботин А.В. Нелинейный характер развития тагарской культуры (по материалам монографически распланированных могильников). СПб.: ИИМК РАН, 2014. 153 с.

Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. 1960. № 90. С. 5–115.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970. 180 с. (МИА; № 172)

Черных Е.Н., Корочкова О.Н., Орловская Л.Б. Проблемы календарной хронологии сейминско-турбинского транскультурного феномена // АЭАЕ. 2017. Т. 45, № 2. С. 37–47.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Сейминско-турбинская проблема в трудах В.А. Городцова // Проблемы изучения древних культур Евразии / Отв. ред. Д.А. Крайнов. М.: Наука, 1991. С. 94–101.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). Казань: Школа, 2008. 172 с. (Серия «Археология евразийских степей»; Вып. 5).

Чижевский А.А. Начальный период изучения археологии эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Кабинетно-аналитические исследования // ПА. 2013. № 2. С. 64–103.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа: Кулайская культура. Томск: ТГУ, 1984. 256 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972. 248 с. (МИА; № 182).

Членова Н.Л. Олени, кони и копыта: (О связях Монголии, Казахстана и Средней Азии в скифскую эпоху) // РА. 2000. № 1. С. 90–106.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э.: (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: АлтГТУ, 2010. 238 с.

Aspelin J.R. Muinaisjäänöksiä Suomen suvun asumus-aloita – Antiquités du Nord Finno-Ougrien. T. I. Ages de la pierre et du bronze. Helsingfors: Imprimerie de la Société Littéraire Finlandaise, 1877. X + 94 p.

Borovka G. Scythian Art. Kai Khosru Monographs on Eastern Art. London: Ernest Benn, 1928. 112 p. + 74 pl.

Kuzminykh S.V., Detlova E. Die Beziehungen Gero von Merharts zu den Kollegen in Russland // Gero von Merhart. Ein deutscher Archäologie in Sibirien 1914–1921. Marburg, 2010. S. 73–84.

Kivikoski Ella. A. M. Tallgren // ESA, Supplementary Volume. 1954. Pp. 77–121.

Kuzminykh S.V. Osteuropäische und fennoskandische Tüllenbeile des Mälartyps: ein Rätsel der Archäologie // Fennoscandia archaeologica. Helsinki, 1996. Vol. XIII. S. 3–27.

Kuzminykh S., Detlova E. Gero von Merhart und Sibirien. Seine letzte Erinnerung an Land und Leute // Gero von Merhart: Ein deutscher Archäologe in Sibirien 1914–1921 / Deutsch-Russisches Symposium 4.–7. Juni 2009, Marburg / A. Müller-Karpe, C. Dobiak, S. Hansen und H. Parzinger (Hrsg.). Marburg, 2010. S. 85–99 (Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg. Heft 59).

Merhart G. Beiträge zur Urgeschichte der Jenissei-Gubernie. Bericht über die Öffnung zweier Kurgane in der Abakansteppe // SMYA. 1923. T. 34: 1. S. 2–46.

Merhart G. Beiträge II. Die Gruppe der Kurgane mit Platten-Einzelgrab // SMYA. 1924a. T. 35: 2. S. 3–19.

Merhart G. Neuere Literatur über die Steinzeit Sibiriens // Wiener Prähistorische Zeitschrift. Bd. XI. Wien, 1924b. S. 139–148.

Merhart G. Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien: A. Schroll & Company, 1926. 189 s.

Merhart G. Einige Erinnerungen an Sibirien // Palaeologia. №7. Osaka, 1958. S. 227–229.

Montelius O. Die Chronologie der ältesten Bronzezeit in Nord-Deutschland und Skandinavien // Archiv für Anthropologie. 1912. Bd. XXV–XXVI.

Parzinger H. Archäologisches in Daljoko // Gero von Merhart: Ein deutscher Archäologe in Sibirien 1914–1921 / Deutsch-Russisches Symposium 4.–7. Juni 2009, Marburg / A. Müller-Karpe, C. Dobiak, S. Hansen und H. Parzinger (Hrsg.). Marburg, 2010. S. 49–61 (Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg. Heft 59).

Salminen T. Suomen tieteiliset voittomaat. Venäjä ja Siperia suomalaisessa arkeologiassa 1870–1935. Helsinki, 2003. 278 p. (SMYA. Vol. 110)

Salminen T. Die ostrussische Bronzezeit in der Korrespondenz von Aarne Michaël Tallgren und Gero von Merhart // Gero von Merhart: Ein deutscher Archäologe in Sibirien 1914–1921 / Deutsch-Russisches Symposium 4.–7. Juni 2009, Marburg / A. Müller-Karpe, C. Dobiak, S. Hansen und H. Parzinger (Hrsg.). Marburg, 2010. S. 113–127. (Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg. Heft 59).

Salminen, T. Colleagues, Friends and Opponents. The International Contacts of Finnish Archaeologists 1870–1950. Helsinki, 2014. 424 p. (SMYA. Vol. 122)

Schmidt A.V. Die Ausgrabungen bei dem Dorf Turbina an der Kama // FUF, Anzeiger. 1927. Bd. XVIII: 1–3. S. 1–14.

Tallgren A.M. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. I. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland. Helsinki, 1911. IX + 229 s. (SMYA. T. XXV: 1)

Tallgren A.M. Tovostinin muinaisainekokoelma // Nuori Suomi. Helsinki, 1915. Pp. 247–255.

Tallgren A.M. Collection Zaoussaïlov au Musée historique de Finlande a Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. Helsingfors, 1916. 47 p. + XVI pl.

Tallgren A.M. Sveriges förbindelser med Ryssland under bronsåldern // Finsk Tidskrift. T. LXXX. Helsingfors, 1916a. S. 362–374.

Tallgren A.M. Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le Dr Karl Hedman a Vasa. Chapitres d'archéologie sibérienne. Helsingfors, 1917. 93 p. + XII pl.

Tallgren A.M. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. II. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale. Helsinki, 1919. 203 p. (SMYA; T. XXXI: 1)

Tallgren A.M. Fatjanovokulturen i Centralryssland // FM. 1924. S. 1–30.

Tallgren A.M. Neues über russische Archäologie // FUF, Anzeiger. 1925. Bd. XVII. S. 1–40.

Tallgren A.M. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. Helsinki, 1926. 248 p. (ESA ; T. II)

Tallgren A.M. Рец.: Gero v. Merhart. Bronzezeit am Jenissei. Wien: Anton Schroll, 1926. 192 s.+XII taf. // ESA. 1927. T. I. S. 189–192.

Tallgren A.M. Zum Ursprungsgebiet des sog. skythischen Tierstils // Acta Archaeologica. T. IV. København, 1933. S. 258–264.

Tallgren A.M. Problems concerning the Central-Russian Gorodishche Civilisation // ESA. 1936. T. X. P. 171–185.

Tallgren A.M. The Arctic Bronze Age in Europe // ESA. 1937. T. XI. P. 1–46.

Информация об авторах:

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kuzminykhsv@yandex.ru

Детлова Екатерина Владимировна, старший научный сотрудник методологического отдела, Красноярский краевой музей, (Красноярск, Россия); detlova2012@yandex.ru

ISSUES OF THE BRONZE AND EARLY IRON AGES OF NORTHERN EURASIA IN WORKS AND CORRESPONDENCE BY A.M. TALGREN AND G. MEGART

S.V. Kuzminykh, E.V. Detlova

The publications and correspondence by A.M. Talgren and G. Mergart outlined the key milestones of the origination, distribution and interaction of the Bronze and Early Iron Age cultures of Northern Eurasia, as well as the directions of further searching, not in a narrow local sense, but in a broad Eurasian context. Finnish and Austrian researchers have addressed the corresponding issues related to the Seymin and Ananyino cultures, and the origin of the Celts of the Krasnoyarsk-Angara types, which in modern science remain the most controversial topics which are far from being resolved. Their correspondence and dialogue are also valuable due to their scientific boldness, sharpness of thought and controversial ardour, which are not characteristic of strict academic works.

Keywords: A.M. Talgren, G. Mergart, Northern Eurasia, archaeology of Siberia, Seima, Fatyanovo culture, Galichsky hoard, Mladshy Volosovsky burial mound, Ananyino culture, Tomsky burial mound, Celts of the Bronze and Early Iron Ages

About the authors:

Kuzminykh Sergei V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ul'yanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kuzminykhsv@yandex.ru

Detlova Ekaterina V. Regional Museum of Krasnoyarsk. Dubrovinsky St., 84, Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation; detlova2012@yandex.ru

Таблица 1.

Восток Европейской России	Минусинская котловина
<p>Палеометалл: ок. 2500–1500 до н.э.. Бытование каменных и бронзовых орудий; истоки в местном неолите под воздействием влияний со стороны (Балкано-Карпатский регион, Кавказ, южнорусская степь). Соприкасается с фатьяновской культурой центра Русской равнины.</p>	
<p>Средний БВ: 1500–1000 до н.э. Бронза, южные влияния (Балкано-Карпатский регион, Поднепровье) остаются в силе; распознается сибирское, но по виду и направлению пока неясных истоков; скандинавское влияние можно доказать по кельтам меларского типа. Находка Сеймы.</p>	<p>I период: до 1000 г. до н.э. Возможны лишь чужеродные типы (Сейма), не местные. Только геометрический орнамент на орудиях и оружии.</p>
<p>Неометалл: ок. 1000-400 до н.э. Железо в финале многочисленно. Ананьинская культура. Связи с Финляндией и Скандинавией к концу периода убывают. Отчетливо скифское влияние.</p>	<p>II период: после 1000 г. до н.э.. Двуушковые кельты. Могут быть архаичные формы кинжалов и ножей. Геометрический орнамент на орудиях и оружии. Натуралистичные звериные фигуры в качестве наверший предметов?</p> <p>III период: после 500 г. до н.э. Основная масса минусинской бронзы. Сильное скифское влияние. Зооморфный орнамент, в финале – растительные мотивы. Допустимо сравнение с проявлениями латенской культуры.</p>

Рис. 1. А.М. Тальгрэн в рабочем кабинете в Национальном музее Финляндии. 1920-е годы. Фото. Архив МВФ.

Рис. 2. Геро фон Мергарт в начале Первой мировой войны. Фото.

Рис. 3. Геро Мергарт с коллегами из Музея Приенисейского края (24.03.1920). Фото. Мергарт – третий справа во втором ряду; крайний справа в первом ряду – директор А.Я. Тугаринов, рядом – Г.П. Сосновский.

Рис. 4. Бронзовые изделия из Ишимского клада. Фото. КККМ.

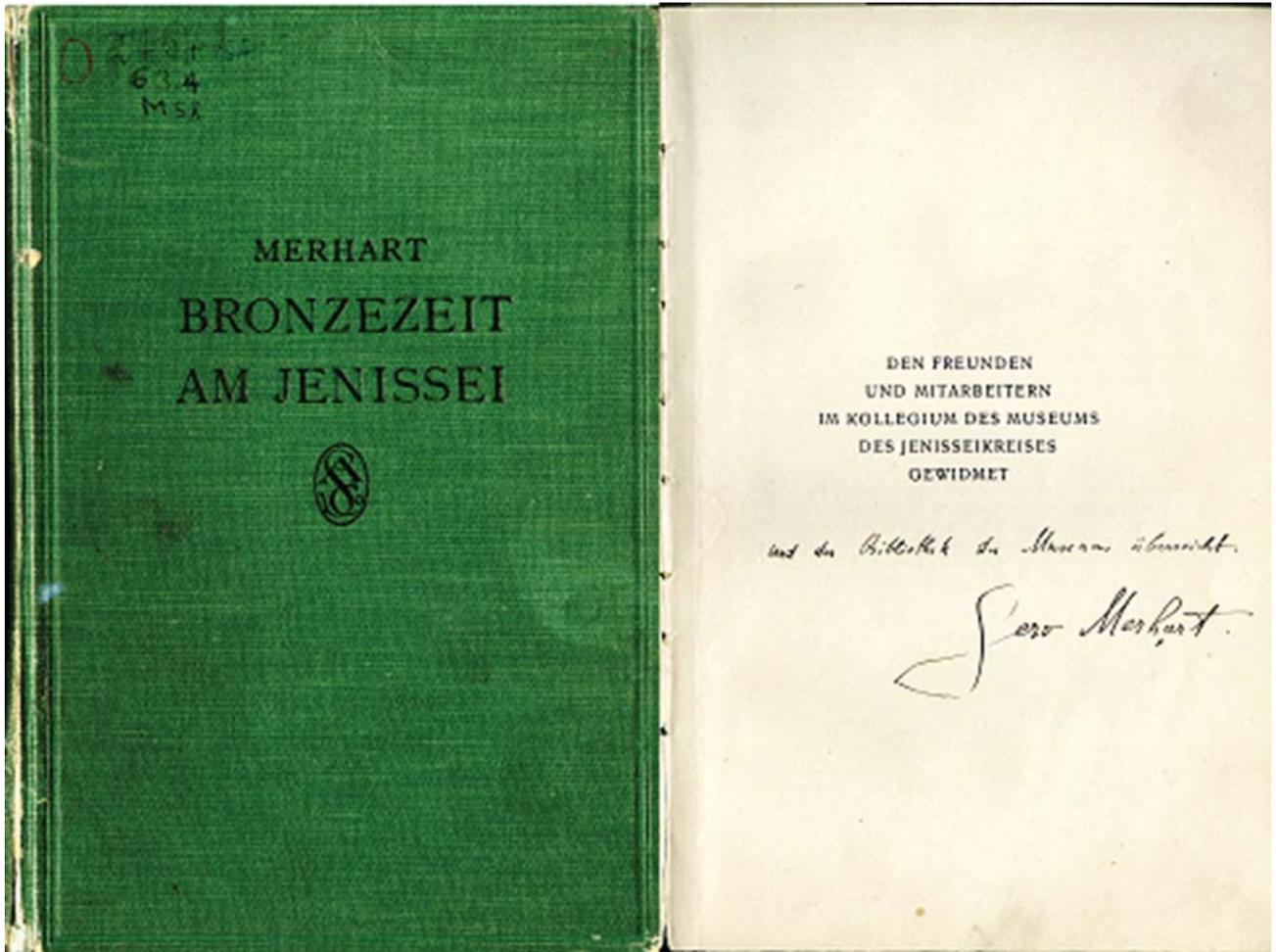

Рис. 5. Титул книги Г. Мергарта «Бронзовый век на Енисее» с его автографом.

Lieber Michail Markowitsch!

Geben Sie doch den künftigen Gedanken auf, ich könnte beim Erhalt Ihrer Briefe was anderes als immer neu interessierte Freunde haben. Richtig ist ganz allein die Vorstellung, dass ich Ihre Briefe als ein ganz besonderes Vergnügen ansehe. Und sehr dankbar bin ich für alle Bilder, Sie bekommen sie alle zur Zeit zurück, früher oder später, den braven Sonnengott schon heute, damit sie seine befruchtende Nähe nicht zu lange entbehren müssen.

Ich muss sagen, dass ich Ihren letzten Brief mit viel Genugtuung gelesen habe. Mir scheint eben beides zwingend, einmal die Se-Ga - Einheit, zum anderen die Unmöglichkeit, mit Tüllenpunkten sehr weit hinauf zu gehen. Und ich denke, dass wir bei dieser Arbeitshypothese einatmen wohl oder übel bleiben müssen.

Ferner muss ich sagen, dass ich wohl nicht deutlich genug geschrieben habe, denn unsere Wege gehen keineswegs schon an diesem Punkte auseinander!! Ich bin nämlich so wenig wie Sie sicher, dass die Seimäkte von Ungarn herzuweisen sind. Au contraire! Ich glaube das gar nicht, ich behaupte nur, dass alle osturopäischen Formen, die noch einen nachweislich nahen Einfluss von der Ornamentik Seimas zeigen zeitlich durch Mischformen mit ungarischen Merkmalen bestimmbar sind. DIESE können nicht wohl älter sein, als etwa um 1000. Seima selbst scheint auch mir etwas älter und vor allem isolierter und wenn die Kleinasien wahrscheinlich machen können, so habe ich gar nichts dagegen. Der irthypallische Herraphrodit (hat dieser Samalpleonast nicht auch noch Erüste?) von Stepan Zminda (so ähnlich ist doch der Fundort) scheint mir gewiss, die von Ihnen signalisierten Analogien oder Ähnlichkeiten zu haben, die ihn mit dem Ga-Gott zusammenhängen. Die kaukasisch-vordarstellungliche Orientierung mag somit gerne richtig sein. Und was Tüllenbeile betrifft, können da die merkwürdigsten Dinge zum Vorschein kommen, die der Schulprähistorie gar nicht ansehnlich sein müssen.

Es ist störend, wenn die Stiefel des Ga-Gottes Rudimente kaukasischer Stiefel sein sollten, denn ich kann mich nicht damit befremden, dass die Männerlein von Stepan Zminda älter sein sollen und zwischen 2000 und 1500. Da wollte ich eher suchen, etwa so zu konstruieren: Maikop wirkt auf Gelitsch noch reiner, auf Koban nur mehr indirekt. Oder Koban mit seinen eigötterlichen Göttern ist überhaupt ein anderer Zweig aus der Wurzel, die nach Maikop und folgend nach Gelitsch wirkte. Können die Va-Gräber nicht doch etwas älter sein als Ga, etwa parallel Maikop, Ga, dann eine jüngere Wirkung von Süden? Ich sehe keinen Beweis einer direkten Einwirkung von Ungarn auf Se und ebensowenig von Se auf Ungarn. Erst bei den Ossenschildbeilen ist die Wirkung von Ungarn bei den Chananke-Exemplaren erkennbar, aber Ossenschildbeile stehen zwar Se nahe, sind jedoch kein reines Se mehr.

Mälarderivate sind nicht bis Sibirien gekommen. Mir stellt sich die Sache so dar, dass Se-derivate in Sibirien nicht selten sind, echte Se-Beile aber eher spärlich. Ganz einwandfrei als Typus ist nur das Martinsche, ob aber auch ganz einwandfrei als Fund? Wenn #2 Ma für Jhne von Ananino ist und Ananino gleichzeitig meinen Kraanoparak-Beilen, dann muss Se nicht viel älter sein als Ma, denn die Ausläufer von Se geben Ornamente an Kra ab, das heisst also, die Ausläufer zweier Gruppen stehen in Sibirien nicht sehr weit auseinander. Aber ich gebe auch meinerseits gerne oder ungerne zu, dass da noch manches dunkel ist.

Die Adrianov-Berichte erhielt ich von braven alten Herrn Koshantschikoff, dem Museumsleiter in Minussinsk. Ich bin sehr erfreut, wenn Sie allmählich alle Materialien der Finnschen Expedition durcharbeiten und publizieren. Das Inschriftmaterial hat leider die Aufmerksamkeit und die Publikationsfähigkeit seinerzeit zu sehr absorbiert.

Den "etruskischen" Fund kenne ich und kann Ihnen von Innsbruck Skizzen schicken. Aber Sie werden nicht viel Freude daran erleben, weil keine Mischung von lokalen und importierten Dingen vorliegt, die datierend wäre. Wenigstens ich sah keine. Falls Sie also die Bilder aus Moskau nicht erhalten sollten, bekommen Sie sie von mir, doch musste ich versprechen, sie nicht zu publizieren, was sich die Dame vorbehalten, die bei Gorodov arbeitete.

Die Goldplatten würden mich sehr interessieren!! Das ist ja gewiss eine fabelhafte Unordentlichkeit, dass die alten Kerle nicht bei jedem stilistischen Fortschritt die alten Formen einsammelten und mit einem Dokument über die Zeit der Abschaffung irgendwo vergruben. Allein ich habe auch in Sibirien noch bemerkt, dass sie das nicht taten und dass ganz naturtreue Formen friedlich weiterleben, derweilen schon hochstilisierte im Umlauf sind. Ich bin darum mit typologischen Reihen als Datierungsmittel etwas vorsichtig und selbst die blendend geschriebenen Aufsätze Appellgrens sind, glaube ich, nur ein grano salis zu nehmen.

Den Tonsker Fund könnte mir sehr willkommen sein, aber ich bin immer ein wenig misstrauisch gegen diese älteren sibirischen Museumsdinge. Ich schicke ihn indes erst später zurück, da mich das eine kleine Beil sehr interessiert. Ebenso bekommen Sie, falls Sie sie nicht eher brauchen, die skythischen Sachen erst von Innsbruck, da ich sie noch mit meinem Material vergleichen möchte. Ich glaube persönlich, dass die Stillisierung der skythischen Formen gar nicht in Südrussland erfolgte, sondern in Asien und dass zwei Stilströme bestehen, die aber Herr Boroffka analysieren mag. Gerade die Bilder, die Sie mir sandten passen aber nur bedingt zu meiner Auffassung, denn sie haben mimusinsksche Augen und sollten eigentlich zum Nordstrom, d.h. zu Asien und Nordskythien gehören, zu Chutor Shumeiko und den Knochenplatten bei Chananke. Hoffentlich kommt Boroffka gut zurück.

Hoffentlich bekommen aber auch Sie Ihre Bücher und Bilder aus Bessaragien!! Nun habe ich für heute noch eine Bitte. Ich bekomme, so viel ich mich erinnere von der Gesellschaft 25 Separata meiner Arbeit, deren Korrektur hoffentlich gehörig an Sie zurück kam. Ich möchte bitten, mir 50 abzählen zu lassen und mir die Uberschall zu verrechnen, jedenfalls kein Honorar zu senden, da ich mir sowieso noch ein paar Sachen kaufen muss, die mir fehlen, so dass ich auf jeden Fall noch Geld hinaufsenden muss. Also bitte lassen Sie mir im Ganzen 50 (einschliesslich der Freitextemplare) drucken. Ich habe so viel Separatenschulden!

Sonstige bitte nach Innsbruck, Universität und in Druckssachenpaketen, weil andere Pakete Zoll kosten. Ich bin etwa ab 15.X. wieder in Innsbruck und komme wohl erst zu Weihnachten wieder nach Zürich.

Mir heute leben Sie wohl. Kleben Sie bitte nicht immer über Marken auf Ihre Briefe, die hat meine Frau schon zahlreich. Es gibt sicher noch andere Werte, aus denen man das Porto kombinieren kann. Frech, nicht wahr, so ein Verlangen. Aber meine Frau hat nun mal das Vertrauen, dass man Ihnen solche Bitten stellen darf. Mit den herzlichsten Grüßen

G. Merhart

Рис. 6. Письмо Г. Мергарта А.М. Тальгрену (4.10.1924). Машинопись. РОНБФ.

Рис. 7. Кельт красноярского типа. Фото. КККМ.

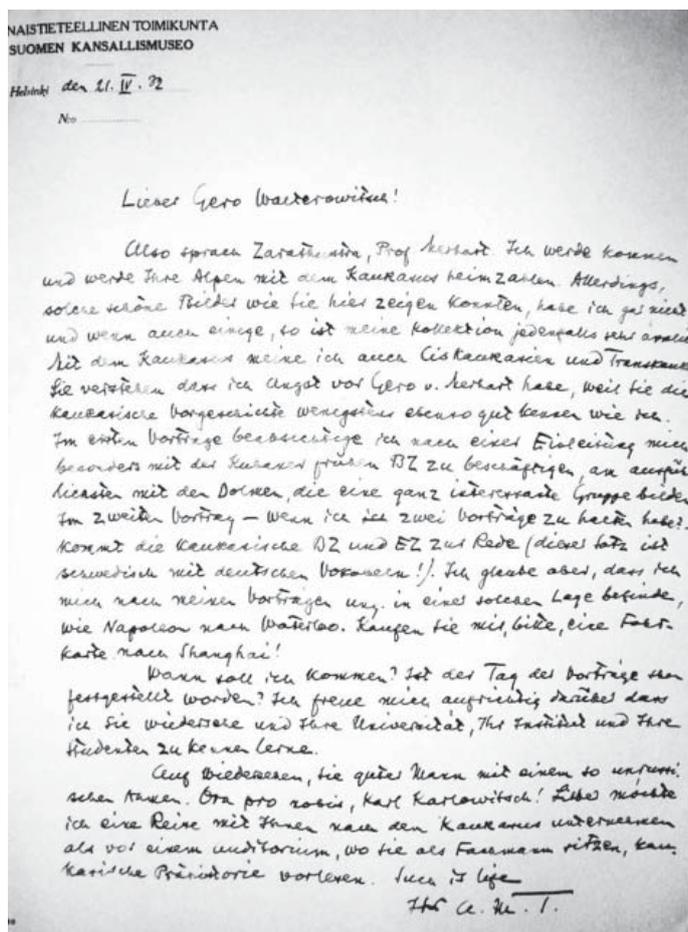

Рис. 8. Письмо А.М. Тальгрена Г. Мергарту (21.04.1932). Автограф (на бланке НМФ). АМУ.

Рис. 9. А.М. Тальгрэн в 1930-е годы. Фото. Архив МВФ.

Рис. 10. Геро фон Мергарт в 1930-е годы. Марбург. Фото.